

Андрей Мурай

ВЕСНА, ЛЕТО,
ОСЕНЬ, ЗИМА...
И ОПЯТЬ ВЕСНА...

12+

Андрей Алексеевич Мурай Весна, лето, осень, зима... И опять весна...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64930186

SelfPub; 2021

Аннотация

Автобиографическая повесть А. Мурая включает в себя 7 самостоятельных новелл, действие которых происходит в Краснодаре, Новороссийске, Санкт-Петербурге. К несомненным достоинствам произведения можно отнести лаконичность повествования, легкость авторского языка и вместе с тем психологическую основательность портретов её героев, присущую лучшим традициям русской прозы.

Содержание

Глава первая. Бабушка, дедушка и немножко мама	5
Глава вторая. Любимая игра детства	22
Глава третья. Самое синее в мире	36
Дом-на-набережной	38
Наваждение	40
Каботажка	44
Земляные снежки	45
На земле у моря	46
Широкая балка	48
Человек-амфибия	50
Пресная вода	52
Стихи о море	54
Глава четвёртая. Соседи. Анастасия Фёдоровна	58
Глава шестая. Мальчик, рождённый под знаком весов	85
Глава седьмая. Митя на чёрном море	109
Здравствуй, вирус	110
Замечательные люди	113
Бросок чемпиона	115
Лягушонок	118
Волшебная лестница	120
Балкон	122

Луна-парк	125
Тир	128
Черепашка и светлячок	131
Кактус	133
Ссора	135
У Стасика	138
Середина жизни	142
Душу не мути	146
Месяц	147
Дисбаланс	149

Андрей Мурай

Весна, лето, осень, зима... И опять весна...

Глава первая. Бабушка, дедушка и немножко мама

Голубое основанье,

Золотое остриё...

Сердцем помню только детство:

Все другое – не моё.

И.А.Бунин

Почему я это помню? Что во мне помнит это? Прошло более полувека, я сотни раз поменялся и физически, и метафизически. Во мне не осталось ни одной молекулы, ни одного атома от меня тогдашнего – маленького, начинающего жить человека. Такую память не сохранить ни головой, ни

сердцем. Живая клетка при всей её разумности событийной памятью не обладает и не передаёт произошедшие события как эстафетные палочки. Сохранилось в душе – памятной, беспокойной, нестареющей.

Я вспоминаю детство. Случалось мне в те далёкие годы, гуляя во дворе, навалить полные штаны. Бывало это достаточно часто, откуда взялась такая напасть, никто не понимал. Этими «никто» были мои бабушка и дедушка, которые всякий раз меня отчаянно ругали. И вот хожу я как-то с полными штанами в дальнем закутке двора, и очень мне не хочется возвращаться домой, выслушивать то, что скажут мои воспитатели. Уже стемнело, а я хожу и фантазирую, что вот сейчас откуда ни возьмись явятся Три Богатыря и скажут: «Здравствуй, мальчик. Мы пришли к тебе на подмогу. Какое будет твоё задание?» А я отвечаю: «Перво-наперво, ребята, – штаны. Смотрите, что делается! Их надо поскорее постирать и высушить». Богатыри всё быстро постирают, всё высушат, я всё чистое, свежее надену и приду к дедушке и бабушке незапятнанным.

Сравнительно быстро научился я содержать в чистоте нижнее бельё, а вот мечты и фантазии преследуют меня до сих пор и не дают мне покоя. Как случается на пути трудность или заминка, тут же я начинаю придумывать да прикидывать: «Эх кабы сейчас... А вот бы у меня... И тут как

спустятся да на парашюте...».

Никак мне не смириться с тем, что никто не явится, не выскочит, не спустится, не материализуется, и рассчитывать можно только на себя. Вот и сейчас, написав это, притомился я чуток и подумал: «А вот бы клавиши сами нажимались, буквы на экране сами собой появлялись, а я только посматривал бы – а что же там мною пишется...»

Дедушка бреется. К рукомоёйнику он принёс миску с тёплой водой и стакан с очень тёплой водой. Сначала дедушка правил бритву на длинном ремне с проплешиной посередине. Этот ремень висит рядом на шкафу. Потом дедушка долго мылился помазком. Потом ещё пару раз резко провёл бритвой по ремню от себя вверх и оглядел лезвие. Убедившись в том, что бритва наточена остро-остро, дедушка опустил её в стакан с очень тёплой водой и подержал там немного. Затем стал подносить бритву к лицу, осторожно выбривая небольшие участки кожи. Очень медленно, очень не торопясь. Бывает, дедушка чертыхается. Значит, он порезался. Тогда дедушка кричит: «Надя!..» На зов приходит бабушка и подаёт оплошавшему мужу ватку и йод. Но такое случается нечасто. Дедушка бреется осторожно...

На завтрак манная каша и сыр. Манная каша противная, хотя и сварена без комочков. Сыр просто так есть скучно. Ну, просто так его никто есть и не собирается. Откусив, можно посмотреть, на что похож оставшийся кусок. Иногда он похож на горку, иногда на голову шахматного коня, а иногда

на жёлтого крокодила. Потом сыр кончается и становится ни на что не похож... Из последних кулинарных испытаний самым серьёзным для меня была чёрная икра. Приехала мама, привезла небольшую баночку чего-то чёрного. Вместе с бабушкой они мне говорили, что это икра, что она полезная, паюсная и очень вкусная... Я с трудом сдержался, чтобы эту гадость не выплюнуть...

Бабушка взяла меня с собой в магазин. Мы стоим в очереди за молоком. Бабушка пережидает, когда продавец – шустрая тётя в белом халате и белой косынке – откроет новую флягу. Сверху молоко и жирнее, и вкуснее. Многие женщины берут молоко какое попало, но бабушка так поступить не может. В магазине душно и скучно, я выхожу на улицу. Рядом с магазином висит почтовый ящик. Из щели ящика внизу еле-еле виднеется кусочек письма. За маленький уголок я аккуратно вытаскиваю всё письмо наружу. По причине малости роста я не могу бросить конверт обратно в ящик и бросаю чьё-то письмо в рядом стоящую урну. Я совершаю первый в жизни гадкий поступок. Бабушка выходит из магазина с молоком, и мы идём домой. Переходим улицу Красную. Сегодня будний день, машин нет, но мы всё равно переходим на зелёный свет. Мимо книжного магазина идём к нашему дому. Книжный магазин на дворовом жаргоне назывался «кайгиз». Непонятно, почему. Или так сократили «Краевое издательство», или – «Краснодарское краевое издательство». Дошли, вот и номерной знак – 19. Разбуди меня

тогда среди ночи и спроси: «Мальчик, где ты живёшь?» Я бы ответил без запинки: «Красная, девятнадцать». Откуда они взялись, эта улица, этот дом, я не знаю, потому что, когда меня не было, они уже были. А меня туда принесли из Краснодарского роддома №1. Мы проходим через длинную подворотню во двор. По двору слоняется одинокий Бока. Это мой товарищ по играм хорошим и разным. Недавно, например, мы прыгали в лужу. Конечно, придумал эту замечательную игру Бока, потому что в нашей паре он был ведущим, а я – ведомым. Лужа получилась от сильного летнего дождя и была большая, как море. На нашу удачу рядом с этим морем разлитым стояла бочка, на которую Бока с трудом забирался и, распрямившись во весь малый рост, прыгал. Когда он достигал поверхности воды, когда брызги летели во все стороны, чумазая рожица друга-Боки озарялась таким заоблачным счастьем, которое взрослому человеку, конечно, никогда и ни за что не испытать... Потом на бочку закарabкивался я. Самому было не залезть, и Бока меня подсаживал. «Прыгай!» – пустота полёта, и дух захватывает, и тёплое мокрое приземление, и брызги вокруг...

«Ах!» – сказала бабушка, когда я пришёл сдаваться домой.

«Нет, нет, – строго сказала бабушка Боке, – он сегодня не выйдет, мы ещё на рынок пойдём...» Бока огорчается. Вообще-то родители называли его Боря, но буква «р» пока у Боки не выговаривается. «Нам до буквы «р», как до Берлина», –

говорит мать Бори-Боки...

Мы на рынке. Левой рукой бабушка контролирует моё присутствие, а правой перебирает овощи. Смотреть на бабушку любо-дорого, она в своей стихии. Знает, кому улыбнуться, а с кем поругаться, с какой ценой согласиться, а кому сказать: «Значит, не договорились». Покупаем мы всегда много; когда возвращаемся, бабушка несёт две тяжёлые сетки. Такие тяжеленные мне ни за что не поднять, но я помогаю, как могу – оттягиваю чуть в сторону сетку, ту, что справа, чтобы она не тёрлась бабушке о ногу. По дороге мы разговариваем. На рынке я услышал, как одна женщина говорила другой: «Такая была курочка хорошая, сама себя пожарила...» Я выспрашиваю у бабушки, как это курочка сама залезла на сковородку, сама за собой крышку закрыла, а кто же ей газ зажигал? Бабушка останавливается, ставит на землю обе сетки, смеётся, а потом подробно мне объясняет, о чём говорила женщина. Конечно, это она сама курочку и помыла, и разделала, и на сковородку положила, но курочка эта такая была свежая, такая сочная, такая жирная, что никакого другого жира на сковородку добавлять было не надо...

Мы перебираем гречневую крупу. Бабушка высыпает на стол гречку быстрыми движениями убирает в сторону чёрные крупинки и разный мусор. Когда на столе остаются только чистые крупинки, бабушка ссыпает их большую трёхлит-

ровую банку. Я бабушке помогаю. Хотя сортировщик из меня медленный. «Бабушка, – спрашиваю я. – А зачем мы убираем чёрные крупинки? Их ведь тоже можно сварить».

«Можно сварить с ними, – отвечает бабушка. – Но тогда чёрная крупинка или мусор может оказаться в тарелке у тебя или у Тани, или у дедушки. И мне будет стыдно...»

Таня это моя тётя. Младшая дочка бабушки и дедушки. Она учится в институте. Недавно я её очень подвёл. Таня гуляла с кавалером. Кавалер робкий и трепетный. Парочка подошла к нашему окну.

«Мама!» – томно окликнула романтично настроенная тётя.

«Гавняма!!!» – выкрикнул я во весь голос, выскочив из окна, как чёрт из табакерки... Чувство рифмы была развито у меня с детства.

После обеда бабушка укладывает меня спать. Это самое нелюбимое для меня время суток – после обеда. Кровать расстелена. Занавески плотно задёрнуты. Тихий час. Рядом висит трофейный прикроватный коврик. На нём выткана красивая картина. В центре – двое мужчин. Один держит перед собой пенсне и удивлённо разглядывает что-то необычное. Бабушка, поводя глазами на картину, говорит певучим голосом на манер Арины Родионовны: «Ничего подобного не видывали ещё в той деревне. Растение зелёное, всё в колючках, а сверху – прекрасный цветок, похожий на яркую бабочку, которая присела на минутку и вот-вот взлетит. «Где же

вы, уважаемый сосед, достали такое чудо?— спрашивает господин с пенсне. — Как зовётся эта колючая невидаль?» Второй мужчина в длинном сюртуке довольно улыбается. Диковинка им поставлена на видное место перед террасой, сам он не спеша покуривает трубку и сейчас скажет, что колючее растение называется «кактус». Сразу видно, что попал кактус в хорошие руки, хозяин его человек домовитый и аккуратный. Смотри, как у него всё прибрано, как всё чистенько. Грядки на огороде ровные-преровные. А какая шикарная растёт капуста. И не только у него. Видно, что в этой местности живут только трудолюбивые люди. Дома все ярко выкрашенные, ухоженные. А там далеко-далеко видны горы. Это — Альпы...»

В десятый раз слушать эту историю мне неинтересно, ещё ненароком усну. «Бабушка, — перебиваю я. — А расскажи про «Синюю блузу».

«Нет, — говорит бабушка, — сейчас надо спать». Но я чувствую, что говорит она это недостаточно твёрдо. Ей и самой хочется рассказать не про кактус, а что-нибудь из той прошлой, молодой жизни. Когда бабушка, была барышней.

«Ну, бабушка, ну, пожалуйста, ну, немножко...» И бабушка не выдерживает, читает:

Чай поставил на таганку,
Раза два прикипятил,
А для пущего эхвекту
Сверху маслица подлил.

Чтобы блёстки были...

Ну, вот, это то, что надо. Так жить можно, даже лёжа в кровати.

«Чай готов, извольте кушать»,
Снял я с барина пальто.
Молодец, коль будешь слушать,
И хвалю тебя за то...

А однажды одна новенькая актриса так смешно ошиблась! У неё в роли было: «спешу в объятия Морфея», а она сказала: «Спешу в объятия Матвея!» Тут бабушка смеётся, и я вместе с ней. Мне, собственно, всё равно в чьи объятия попадёт незнакомая мне актриса – Матвея, Морфея, – но бабушка смеётся так молодо, так заразительно, что удержаться невозможно. Мы хохочем вместе. Какой там сон!..

Я гуляю во дворе. Убедившись, что Боки нет, бабушка выпустила меня ненадолго. Кроме меня – никого. А вчера выпала на двор вся малышня: заехала во двор огромная и тяжёлая машина – «Победа». Важный толстый дядька приехал по делу. Пока этого толстяка не было, мы целый час его машину рассматривали. Я иду к большому дворничьему ящику. С ним у меня связаны только хорошие воспоминания. Раньше я был уверен, что ящик этот волшебный, и в нём спрятано что-то драгоценное. Но в одно воскресенье я узнал, что это не так... Обычно по воскресеньям мы с де-

душкой ходим гулять в парк. К слонику. Он стоит в самом центре парка с гордо поднятым хоботом. На спине слоника мальчик-погонщик, а у толстых сдвинутых ног – страшные крокодилы. Из пасти крокодилов бьёт вода, заполняя круглый водоём, в котором до войны плавали рыбы. В то воскресенье уцепилась вместе с нами в парк Зина. У девочки Зины большая чёрная коса. Зина и крупнее, и старше меня. Но мы с ней иногда играем в прятки. До парка идти совсем недолго. По Красной, потом первый поворот налево, потом квартал пройти по улице Мира, и вот он чуть наискосок – парк. А в центре – слоник. Каждый раз я поражаюсь его красоте и силе, каждый раз с интересом разглядываю крокодилов. Дедушка присел на лавочку читать свою «Правду», мы с Зиной побегали вокруг слоника, попрятались по кустам, пособирали камушки, а потом Зина сказала: «Давай спрячемся от дедушки». Я легко согласился. Мы долго ждали, когда дедушка хватится и станет нас искать, а дедушка всё читал газету. Наконец, газета у дедушки кончилась, и он заметил, что нас нет. Дедушка озирается, привстаёт и начинает, прихрамывая, ходить вдоль аллеи. Мы осторожно идём вслед за дедушкой, прячась за кустами. Я вижу только дедушкину шляпу. Она, как лодка по волнам, плывёт поверх кустов. Мне жалко хроменького дедушку, но не хочется срывать игру. А девочка Зина довольно хихикает, ей игра нравится полностью. Наконец, дедушке надоедает нас искать, и он уходит домой. Мы по противоположной стороне улицы идём за ним

следом. Когда мы приходим во двор, дедушка уже смотрит, как соседи играют в шахматы. «О, – сказал дедушка, увидев нас, – куда же вы подевались!» Он так обрадовался, что и ругать нас не стал.

Домой идти было рано, и мы с Зиной стали играть в прятки. Зина всегда меня быстро находила, а я её не находил никогда... И вот тут-то дедушка посадил меня в ящик. Наверное, он подозревал Зину в подстрекательстве к нашей пропаже и решил ей отомстить. Пока Зина, зажмурив глаза, стояла у стены, там, где было крупно написано «КОН», дедушка открыл чёрный ящик и приподнял меня. В ящике оказались вовсе даже не драгоценности, а ведро, лопата и метлы. Нашлось место и для маленького мальчика. Усадив меня, дедушка ушёл играть в шахматы. Я сидел и смотрел, как девочка Зина с большой чёрной косой ходит по двору. Ищет меня, а найти не может. Хороший ящик, раньше здесь жил сверчок, и мы с Боккой ходили его слушать. Когда запустили спутник, все жители нашего дома вышли высматривать на звёздном небе небольшую движущуюся точку. Дедушка показал мне спутник: «Ну, вот же он, вот...» Я попросил дедушку поставить меня на ящик, мне захотелось быть поближе к спутнику...

Девочка Зина, не найдя меня, обиделась и ушла домой. Дедушка обо мне вспомнил (большое спасибо!) и достал из ящика. Мы пришли домой, и бабушка нас встретила радостно: «На-гу-ля-лись!..» Всё было хорошо, но я всё испор-

тил. Во мне оставалось чувство вины перед бабушкой. Казалось бы, ну поиграли, ну и что?.. Но я понимал, что поступил нехорошо и мне было стыдно... Я всё рассказал бабушке... Меня она не осудила ни словом, девочку Зину разве что немного («дура, она дура и есть, что с неё взять!»), а вот бабушке досталось на орехи. За то, что ушёл из парка один. Без меня и без Зины. Бабушка долго бухтела. А бабушка только и сказал: «Да куда б они делись, эти дети...» И прав, сто раз прав был Андрей Фомич! Время-то было незлодейское. Ведь помню, как выбегал я через нашу длинную подворотню смотреть Первомайскую демонстрацию. Люди шагали огромной колонной, несли флаги, портреты, плакаты, пели песни, играл баян, все были радостные. Какой-то дядька подхватил меня на плечи и нёс полквартила. Кто бы тогда заподозрил этого большого доброго дядьку в чём-то нехорошем?

Какие они всё-таки хорошие – весенние, подсвеченные южным солнцем праздники: Восьмое марта, Первомай... Чуть позже появился ещё один замечательный весенний праздник – 12 апреля – День Космонавтики. Ну и конечно, наша семейная дата – 18 марта. В этот день с разницей в семь лет родились у бабушки и бабушки две девочки: моя мама и моя тётя. Маму бабушка, член ВКП(б) с 1920 года, назвал Лилианой в честь писательницы Этель Лилиан Войнич, автора революционно-освободительного романа «Овод», вторую дочь назвала бабушка. В честь онегинской Татьяны. Мама

гордилась тем, что родилась в День парижской коммуны. Говорила: «Поэтому всю жизнь – на баррикадах».

Зимой порадоваться празднику у меня не получается. Даже в Новый год... В разгар шумного праздника бабушка поставила у ёлки белый табурет и подозвала меня. Я послушно подошёл. Бабушка подняла меня на табуретку, а сама стала сзади. Из дальней комнаты вышла мама, в её руках – ножницы. Я всё понял! Сейчас мне будут стричь ногти. Как я этого не любил! Всегда вырывался, убегал, прятался, но сейчас стрижка ногтей неизбежна: сзади бабушка, вот уже близко мама, а главное, стыдно перед детьми и взрослыми, которые собрались вокруг. Меня для того и выставили, чтобы мне было стыдно, если вздумаю убежать или заплачу... Всё это пронеслось в моей бедовой голове, и, когда мама подошла ко мне, я покорно протянул руку... Оказалось, ножницы для того, чтобы я срезал с ёлки любую конфету...

Мы с бабушкой в кино. На экране скачут на лошадях, бегают друг за другом, размахивая шпагами, целуются... Так скучно... Я устал сидеть, я хочу домой и постоянно спрашиваю бабушку: «Скоро кончится?» «Скоро, скоро», – говорит бабушка, а сама на меня и не смотрит, смотрит на экран. Я смотрю на бабушку, я понимаю, что кино ей нравится, а мне скучно... Гуляя, я нашёл у ящика гибкую ветку и задумал сделать лук. Дело оставалось за малым – где-нибудь най-

ти тетиву, закрепить её, и стреляй себе высоко-высоко деревянными стрелами. Но вышла бабушка и окликнула меня, я только успел спрятать свою гибкую ветку около решетки канализационного стока. Бабушка подцепила меня за руку, и вот мы пришли в кино, и вот высиживаю я на жёстком сидении...

Первый раз меня водил в кино дедушка, фильм был для детей, я не заметил, как прошло время, я не запомнил, о чём фильм, там была такая красивая девочка, её лицо, и во весь экран её огромные глаза, которые смотрели на меня... Эти голубые глаза смотрели на меня, когда дедушка вёл меня, притихшего, домой, они смотрели на меня, когда я засыпал, даже утром трусики я надевал под одеялом: я стеснялся, мне казалось, что на меня смотрят огромные голубые глаза красивой девочки...

Ну, ладно, пусть фильм для взрослых, но куда лучше было бы смотреть его в летнем кинотеатре. Там можно побегать в сторонке, почертить палкой на песке. Мы недавно ходили в такой кинотеатр, он назывался «Южный». Фильм тоже был неинтересный: всё время что-то пели, два дядьки сначала дружили, вместе катались на лошадях, а потом стали стрелять друг в друга из пистолетов... Дедушка не ходит с бабушкой в кино. Деда и со мной-то сходить долго уговаривали. Он поздно возвращается с работы, очень устаёт. А потом дедушка у нас хромает, и поэтому в публичных местах с бабушкой показывается неохотно. Таня ходит в кино со своими

кавалерами, а старшая дочь Лиля (моя мама) окончила институт и уехала в другой город по распределению. Вот и получается, что кроме меня ходить с бабушкой в кино некому. Сегодняшний фильм бабушке нравится, она из бывших актрис, смотрит на экран неотрывным взглядом, а мне на экран смотреть неинтересно, гораздо интересней смотреть на бабушку. Может быть, сейчас она вовсе и не бабушка, а Констанция, и надо же— опять мелкий шкет врывается в её сладкие грёзы бестактным вопросом: «Когда кончится?..»

Ну, наконец, кончилось. В зале зажётся свет, зрители шумно повставали с мест и строем стали выходить из кинозала. Мы тоже вышли и быстро пошли домой. Мы оба возбуждены. Бабушка просмотренным зрелищем, а я предстоящей работой над луком...

Четыре года спустя мы тоже возвращались с бабушкой из кино. На этот раз фильм понравился нам обоим. Я уже стал кое-что понимать, плюс к тому — магия красивой женщины? Фильм назывался «Бабетта идёт на войну». Брижит Бардо скакала на лошадях, летала на самолётах, прыгала с парашютом, перепрыгивала через стены ну и, конечно, сводила с ума мужчин. На бабушку фильм произвёл сильное впечатление. Приключений в её жизни было мало, разве что кувьрки в «Синей блузе» да немецкие бомбёжки. Остальное — жизнь домохозяйки. Вышла она замуж за хроменького дедушку, которому уже было почти тридцать шесть лет. С де-

душкой много не напрыгаешь. Альянс получился и долгий, и крепкий, обоюдно терпеливый, но часть бабушкиной души – отчаянная, авантюрная, бесшабашная – осталась нереализованной. Ненакормленной. И вот, наконец, эта заморенная жизненными обстоятельствами изголодавшаяся часть души получила, пусть суррогатную, но пищу! Бабушка помолодела лет на двадцать, она не шла, а летела и вся светилась счастьем. Как-будто это она, моя бабушка, а вовсе не знаменитая француженка, полтора часа сводила с ума мужчин, прыгала с парашютом, летала на самолётах, скакала на лошадях... Ах, кинематограф! Ах, Великий обманщик! Может быть, ты и есть тот безумец, который навеет человечеству сон золотой? Тогда честь тебе!..

Горе мне, горе. Моя гибкая ветка провалилась в канализационный сток. Я её видел, но достать не мог. Прижавшись лбом к решётке стока, я плакал... Беда не приходит одна, вечером дедушка отказался играть со мной в шахматы. Мы с бабушкой уговариваем дедушку вместе: «Ну, один разок... Но мы же быстренько... ну, пожалуйста...» «Быстренько так быстренько...» – злится, соглашается дедушка. Мы расставляем шахматы. У меня белые фигуры, но право выступления счастья мне не приносит, дедушка ставит мне мат в четыре хода... «Детский» мат. Дольше расставляли фигуры, чем играли. «А теперь спать», – говорит бабушка. Я расстроен, меня опять обманули взрослые. Я помню их первый об-

ман... Тогда уезжала мама... Я чувствовал, что мама уедет, что я проснусь, а мамы не будет, и я стал капризничать. Я капризничаю больше и больше, я отказываюсь ложиться спать без мамы, меня уговаривают, но я не соглашаюсь ни в какую и вот-вот расплачусь. Наконец, мои условия принимаются, мама ложиться на краешек кровати, я понемногу успокаиваюсь и, обняв маму, засыпаю, но, ещё не заснув окончательно, чувствую, что мама медленно-медленно отодвигается от меня, вместо неё бабушка подсовывает мне подушку, в полусне я полувижу – почувствую обман, но не могу ему воспрепятствовать, потому что засыпаю, обняв подушку...

А сейчас я засыпал расстроенным, и обиженным на весь белый свет... А почему?! Какой у меня был прекрасный длинный-длинный-длинный детский день! Сколько я узнал! Сколько всего произошло! Ну да, была утром манная каша, так я её и не ел, только поковырял для приличия. Долго сидел в кино – но я же выводил гулять бабушку. Потерял гибкую ветку, но ведь мечта – сделать лук, – она-то осталась. Получил «детский» мат – но потом такой мат я поставил всем мальчишкам нашего двора. Дедушка мной гордился! Он запомнил эти мои триумфы. На семилетие дедушка подарил мне шахматы и подписал на обратной стороне доски после моего имени: «юный шахматист», и, подумав, добавил – «мастер “детского” мата».

Глава вторая.

Любимая игра детства

Шестым уроком была литература. «В романе «Как закалялась сталь» Николай Алексеевич Островский...», – учительница подозрительно поглядывала на притихших мальчиков, а мы внимательно слушали... Мы внимательно слушали Стадион. Ох, не ко времени эта сталь, эта литература! Ведь сегодня решающий матч. Нашим футболистам позарез нужно побеждать, и тогда мы занимаем первое место и выходим в первую лигу. Вот о чём мечтали мы, а вовсе не об освобождении всего рабочего класса. Чем освободить весь рабочих класс, лучше освободите наш 5»А» класс от этой литературы. Сейчас, когда живой и зримый подвиг должны свершить на Стадионе наши футболисты, прошлые, из дряблого пальца высосанные подвиги, нас тронуть не могли. Ах, как же хотелось увидеть футбольное поле, заполненные трибуны, наших кумиров, которых мы всех знали по именам, и поддержать ребят в трудные их минуты...

Детских билетов на Стадион не продавали, только взрослые. Стоил взрослый билет деньги неподъёмные – целых семьдесят копеек. Можно было: или прошмыгнуть мимо контролёра, прячась за взрослых («Дяденька, проведи-

те...»), или забраться на дерево, а оттуда через забор... Оба варианта стопроцентный успех не гарантировали: контролёры – глазасты, милиционеры – строги. И если тебя от прохода отогнали, с дерева стащили, смотришь на футбольное поле через щёлку в заборе – на зелёное поле, на яркие футболки своих и чужих игроков, и в душе ярким пламенем разгорается обида.

Вот примерно, как сейчас... Эх, если бы не наша директриса! Что нам стоило сбежать с двух последних уроков. Два дня назад – так и сделали. Но сегодня пришла в класс наша директриса с рыбьими глазами и, трясая классным журналом, предупредила... Связываться с ней никто не хотел, она так может уставиться, такое может сказать, что хочешь не хочешь – заплачешь, слёзы просто сами наворачиваются. Ну, подгадали же нам учиться в такой день, да ещё во вторую смену!..

А ещё обидно, что кончилось лето. Кончилось наше южное, полыхающее, благословенное лето... Только летом врываешься в ванную, открываешь кран, жадно хватаешь губами бьющую струю, льёшь, льёшь воду на лицо и ждёшь, ждёшь пока вода станет холодной... Вытрешься наспех и стремглав вылетаешь из квартиры. «По-оешь», – кричит бабушка, но какое там – есть, просто у нас сдулся мяч и случился небольшой перерыв...

В футбол мы играли на площади. Площадью называлось кочковатое, неровное пространство перед домом, поросшее

кустами и редкими деревьями. Деревья мы очень берегли, потому что они были штангами. Летом футбол начинался тёплым утром и заканчивался, когда мяч прятал ранний южный вечер. Уже в темноте шёл спор, с каким счётом окончилась игра – 47:46 или 47:47. Астрономические для футбола цифры на нашем несуществующем табло были обычным делом. Все хотели быть нападающими. Такими, как Пеле! Как Эйсебио! Всем хотелось забивать голы. В ворота уговаривали встать самых мелких очкариков: «Ну, постой, ну, ведь Яшин стоит и ничего. Ты же хочешь быть таким, как Яшин?!»

Самыми захватывающими, самыми принципиальными были футбольные сражения двор на двор. Огромное счастье – победить команду соседнего двора. Только как их победишь? У них и Незарь, и Челубей. Незарь – техничный и вёрткий, а Челубей огромный и сильный... В середине лета явились они оба в полном здравии вызвать наш двор на игру. А у нас большие ребята, как на беду, поразъехались, кто по пионерским лагерям, кто по станицам. Осталась одна мелкота и наш бессменный капитан – Духарь. Собрал предводитель свою малорослую дружину и сказал: «Хочешь – не хочешь, а играть придётся. Делайте, что хотите – костями ложитесь, по ногам – бейте, за трусы – хватайте, но Незаря к воротам не пускать!..»

Как сражался наш двор! И под ноги бросались и падали как подкошенные. Дух Куликовского поля витал над нашим

футбольным. Вкусила дворовая пацанва упоением боем, о котором ещё и не читала... Это упоение я только чуть пригубил, и тут же получил от Челубея по ноге. Захромал и был поставлен в ворота. Из ворот яснее ясного видел я «слабость друзей, силу врагов», видел, как всё сложнее отбиваться команде нашего двора от превосходящего возрастом противника... Вот Незарь, набрав скорость, стал обводить наших ребят одного за другим, он проскочил даже Духаря и выскочил к воротам. Удар... и какая-то неведомая сила бросила меня... тут же я увидел мяч, который каким-то чудом остановил около самого дерева. Около самой штанги. Духарь подскочил ко мне и сказал: «Молодец. Так и стой».

«Так стоять» больше не получилось. Чудеса не случаются часто, мы проиграли... Но ведь в тот день никто не струсил, никто себя не поберёг. Измученные не меньше героев Непрядвы, с поникшими головами мы ковыляли к своему дому. На Духаря страшно было смотреть, он хромал сразу на обе ноги и, казалось, вот-вот рухнет... Но великое дело сделал этот подросток, которого я даже не знал по имени. Он показал нам, младшим, как должен вести себя предводитель в минуты испытаний. Мы видели, что не отсиживался капитан за нашими спинами, а везде старался поспеть, пытался поучаствовать в каждом эпизоде, бросался и на Незаря, и на Челубея, сталкиваясь с ними в жестоких единоборствах...

Вечером мой дядя (хирург на моё счастье) лечил мне ногу. А мама меня воспитывала так, как воспитывают мальчиков

все мамы: «Когда это кончится... Ты посмотри, что от тебя осталось». Дедушка маме подпевал: «Ты бы хоть раз за лето книжку открыл, вот у тебя список лежит. Смотри – Островский «Как закалялась сталь...»

Меня не ругала только бабушка. Потому что моя бабушка сама очень любила футбол... Когда играла сборная СССР, у экрана телевизора собирались три верных болельщика: мой дядя, бабушка и я. Судья давал свисток и дядя, утомлённый ночными дежурствами, сразу засыпал в своём кресле. Дядя у нас был в офсайде. А мы с бабушкой болели по-честному. Бабушка очень не любила угловые у наших ворот. Она всегда отворачивалась, когда их подавали и спрашивала меня: «Отбили?..» – «Нет, подают... подают... Всё, отбили», и мы снова смотрели футбол вместе. Когда наши забивали, я вскакивал, кричал: «Гол! Ура! Молодцы!», бабушка бросала в воздух чепчик, хлопала в ладоши, даже дядя в своём кресле вскидывался, что-то бормотал, но тут же опять засыпал...

Бубнит училка о делах минувших, а Стадион подозрительно молчит. Если бы наши забили, мы бы Стадион сразу услышали. Конечно, это и обидно: забили гол, а ты не видел как, не знаешь кто. Но ведь и радостно за своих... Урок длится вечность. Как же это мучительно сидеть в душном классе, когда на Стадионе решающий матч финальной пульки. Слово «пулька» казалось сначала смешным и нефутбольным. Пульки выдавал мрачный дядька из городского тира. Когда у дедушки была пенсия, можно было выпросить два-

дцать копеек и купить десять пулек. Только десятую пульками разве настреляешься?! Когда они кончаются, начинаешь, клацая затвором, заряжать ружьё воздухом и стрелять им. Дядька то ли слышит, что изменился звук выстрела, то ли не слышит шелчка пульки, сердится и прогоняет...

Учительница, влюблённая в Павла Корчагина, стала ходить вдоль доски, покраснелась, очень ей нравится то, о чём она рассказывает. Училка ходит, а время – стоит. Если бы можно было смотреть за секундной стрелкой часов, на то, как она бежит, время пошло бы веселее, но нам часы носить не разрешалось. А то мы только на них и смотрели бы... Зато можно смотреть в окно. В окне виден кусочек моря, видны портовые краны, и два мола, на которых по вечерам загораются маяки: зелёный на дальнем молу и красный на ближнем. А ещё видны цементные заводы. Они гордость нашего города – «Октябрь» и «Пролетарий». Продукция этих заводов – основа благополучия нашего города, и наша футбольная команда названа по-пролетарски просто – «Цемент». Трубы заводов весело дымят, дым поднимается строго вверх – безветрие. Безветрие – радость для нашего небольшого города. Сильный ветер Норд-ост – наше стихийное бедствие. В холодные зимы он дует со скоростью двадцать пять, тридцать пять, а иногда и сорок пять метров секунду. Слово «Норд-ост» знакомо мне с самого детства, в нём для меня нет ничего английского, только родное и грозное – Норд-ост. Ветер-художник. Со всей набережной соби-

рает он цементную пыль и наносит на наши окна красивыми волнистыми серыми бороздами в полпальца толщиной. Ветер-композитор. Сначала он, настраиваясь, ухаёт крышами домов, а потом все щели окон и дверей, подобно свирелям, поют его мелодии. Ветер-скульптор. Он подхватывает ледяные брызги моря и лепит их к скамейкам, парапетам, деревьям, памятникам, превращая их в причудливые изваяния. Ветер-озорник. Он играл с нами, мальчишками. В проёме домов мы ложились спинами на порыв Норд-оста, как на отцовскую руку. Он легко и охотно удерживал наши лёгкие тела, но вдруг неожиданно убирал холодную ладонь, и мы с воплями падали. И больно, и смешно, как тому дворовому мальчику...

Наши девчонки заспорили с училкой. Спросили, а зачем эту узкоколейку начали строить только зимой? Почему не проложили рельсы летом?.. Дуры. Ребёнку ясно: построй летом, и нет подвига. А о чём книжки писать?.. Учительница покраснелась, пытается девчонок переспорить. Ну, загалдели... Так мы и Стадиона не услышим...

Ураганный ветер – Норд-ост – штатное стихийное бедствие нашего города, а вот нынешним летом у нас случилось нештатное. Землетрясение. Всего семь баллов, но всё равно страшно. И надо же – случилось оно во время чемпионата мира по футболу. Я смотрел матч Болгария – Бразилия, болгарские футболисты дружно били по ногам Пеле, один болгарский защитник двинул короля футбола так, что стул подо

мной закачался. Пеле упал в траву, а стул – ну надо же! – продолжал ходить ходуном. «Ну, ничего себе! А может это сестра подошла сзади и расшатывает стул?». Я оглянулся, сестры за мной не было, а стул продолжал гарцевать подо мной, как живой... Первой в нашей квартире опомнилась бабушка. Она сгребла в охапку меня и сестру и стала с нами в проёме дверей. Войну, оккупацию, рухнувшие дома с уцелевшими перекрытиями вспомнила бабушка. «Лиля, собери документы! Таня, помоги отцу!» – раздавала бабушка команды дочерям. А по лестнице вниз уже бежали люди.

Мы с сестрой, притихшие и испуганные, стояли, прижавшись к бабушке. Она покрывала нас руками, как наседка покрывает цыплят крыльями, и мы знали, мы были уверены, что даже если всё опять задрожит, пусть даже всё обрушится, нас подхватят и унесут далеко от беды бабушкины руки-крылья...

Когда наша семья вместе с тихоходным дедушкой спустилась вниз, все жители дома уже были во дворе. У многих женщин в руках были пакеты, шкатулки, а у моей мамы – документы. По радио передали, что больше толчков не предвидится. Но кто его знает. Перепуганные обитатели дома посоветались и решили спать на площади. Стали вытаскивать спальные мешки, одеяла, подушки, раскладушки. В окна домов на первом этаже выставили телевизоры – «Рекорды», «Темпы» – несмотря на наше стихийное бедствие чемпионат мира продолжался...

Дедушка на площадь спать не пошёл. Отказавшись от помощи дочерей, вернулся в дом. «Сказали, не будет толчков – значит, не будет». Дедушка не бросил дом этой тревожной ночью. Так капитан не бросает давший трещину корабль. Охватив подушку, как штурвал, дедушка не позволил дому на площади обезлюдеть вовсе. Благодаря его смелому поступку подземных толчков не было ни той тревожной ночью, ни на следующей неделе, ни многие годы вперёд...

Дедушка всегда был смелым человеком, а мальчишкой и вовсе – отчаянным. В пять лет он решил прокатиться верхом на свинье. Но, видимо, не случайно для верховых прогулок люди издавна используют лошадей. Свинья она и есть свинья. Малолетнего наездника довезла она до забора и протащила по деревяшкам, да так, что дедушка всю оставшуюся жизнь хромотал. У него не сгибалась в колене левая нога. В повседневной жизни это неприятно, а в экстремальных обстоятельствах так плохо, что и не сказать. В Краснодаре мы жили на первом этаже, и это было для дедушки удобно, но когда менялись, варианта обмена с первым этажом не было. Был один лишь приемлемый вариант: отдельная трёхкомнатная квартира, но на четвёртом этаже, и дедушка согласился на это в интересах семьи. Так в моей жизни появился Дом-на-Площади.

Теперь это дом неожиданно пошатнулся, оступился. И вот дедушке помогают спускаться, а дом в любую секунду может обрушиться и на дочерей, которые не побежали, сломя голо-

ву по лестнице, как иные, а вот они – рядом... На улице после скоростного спуска дедушка едва отдышался, но неприятное чувство собственной ущербности осталось с ним надолго.

На следующий день дедушка тоже переживал. Произошедшее никак не забывалось. «Я в первый момент, – сказал дедушка за обедом, – думал, что американский лётчик бомбу бросил». «Помолчал бы при детях, – оборвала бабушка, но было уже поздно. Я сказал дедушке, что бросать бомбы во время футбольного чемпионата никто не станет. А маленькая Леночка пояснила дедушке, что бомбы вообще бросать нехорошо. Оплошавший, да ещё и пристыженный внуками, дедушка замолчал надолго...

А футбол в Лондоне продолжался. Сборная СССР играла прекрасно, в ней блистали Валерий Воронин, Слава Метрели, Валерий Паркуян, Игорь Численко, но, несмотря на их вдохновенную игру, заняли мы только четвёртое место. Помню, когда поздним вечером наши ребята проиграли сборной ФРГ, в городе долго горели все окна, город долго не мог заснуть – огорчился, переживал... Болельщики посчитали чемпионат неудачным, ворчали: «Это потому, что Эдика не было... не хватило его голов – и с немцами, и с португальцами... Трепло кукурузное, такого нападающего посадил... Ничего, мужики, четыре года пройдут – на следующем чемпионате всех разнесём...»

Звонок!.. Учительница ещё что-то говорила, ещё что-то писала на доске, но все эти радости – для девочек, мальчи-

шек, точно сдуло Норд-остом... Вот ещё бы он дул в спину!

Мы бежали к Стадиону, осень набросала под ноги мокрые листья, мы бежали, скользя, кренясь к тяжёлым портфелям... Стадион не радовал, он было начинал радостно шуметь, но потом резко затихал, разочарованно вздыхал, обиженно ухал, жалобно стонал...

Ну, вот, наконец, и ворота Стадиона, перед ними толпятся не вместившиеся взрослые горе-болельщики. Взрослый, конечно, может купить за семьдесят копеек билет и со спокухой пройти контроль, но когда билетов нет, он не может, отбросив портфель, взвиться по забору. Сегодня сгонять – некому, и контролёры, и милиция, все смотрят. А Стадион, нельзя сказать, что полон, он забит под завязку, раздут, как футбольный мяч... А на табло – 0:1, наши ребята проигрывают матч, который нужно выиграть во что бы то ни стало...

Игра идёт на дальнем конце поля, в свете прожекторов. Видно плохо, потому что – далеко, потому что – дымка, но перебежать уже не успеть, да и там, у ворот противника, не протолкнуться, мест нет даже на деревьях, лучше сидеть на заборе и не суетиться, тем более, осталось всего-то пять минут, и время, которое, совсем недавно, стояло, как тина в болоте, сейчас побежит, как горная речка, да вот оно уже и побежало, так побежало, что хочется ухватиться за большую стрелку на циферблате часов и держать её изо всех сил...

Наши подают угловой. Вратарь наш стоит в центре поля: всё равно, как проигрывать – 0:1 или 0:2... Все остальные

игроки сгрудились в штрафной. Я видел, как разбежался наш игрок, как он ударил, как мяч полетел в чужую вратарскую, а дальше я не видел, но я почувствовал, что Стадион вздрогнул и в следующую секунду с рёвом распрямился. «Го-о-о-о-о-л!!!» – пронеслось по улицам города к подножью гор. Взвилась в небо испуганные вороны, задрезжали стёкла домов, попадали рожки троллейбусов, выронили поварёшки домохозяйки, «Свят, свят, свят», – зашептали набожные старушки.

Как же долго мы ждали этот гол!.. Теперь-то дело пойдёт, тем более, что наши ребята, окрылённые успехом, забегали на немыслимых скоростях. Игра пошла в одни ворота. Противник был испуган Стадионом, подавлен напором наших. Вот центрфорвард, любимец публики, подхватил мяч и помчался к вперёд. «Ватуля! Давай!» – орали трубуны. И он – дал. Он обвёл трёх защитников, вратаря и забивал гол уже в пустые ворота.

Ну, что сказать, наш Стадион знал толк в футболе и мог отличить гол, забитый в суতোлке у ворот, от гола-красавца, вот почему в этот раз он рявкнул уже во всю мощь: «Го-о-о-о-о-ол!!!!!» Вышел из строя единственный в городе светофор, разродились будущими футболистами измученные роженицы, пошатнулись корабли на рейде, дрогнули трубы цементных заводов и даже шапка облаков на Маркотхском хребте сдвинулась набекрень. Вот как подал голос наш Стадион! Вот чего ждали мы от него так долго!

Взрослые мужчины прыгали, как дети, бросали вверх кепки, обнимались, на беговой дорожке танцевали лезгинку... А потом судья поднял руки вверх и дал свисток. Победа!

Когда я вижу, что футболисты после финального свистка прыгают, кувыркаются, качают тренера, я понимаю, что это всё от лукавого. Наши попадали в траву, потому что они отдали игре все силы. И сумели переломить матч, который складывался так тяжело. Сумели не потому, что им много платили. Они были оформлены на цементных заводах техниками, контролёрами, операторами, слесарями и получали соответственно. Они просто не имели права оказаться поросятами перед лицом настоящих техников, контролёров, операторов, слесарей. Перед теми, кто действительно нагружает, закручивает, направляет, дышит цементной пылью, зарабатывая на старость силикоз. Последние минуты ребята играли на пределе человеческих возможностей. И Стадион это оценил. Долго кричали: «Молодцы!!!», пели разноязычные песни, обсуждали последние минуты и расходились нехотя...

А в первую лигу нас не пустили. Москва сказала, что Стадион наш маленький. То, что он удаленный, в Москве не знали. И сколько он может вместить, тоже не знали. Знали только, что на нашем Стадионе всего пять тысяч посадочных мест. Мужики у таблицы сокрушались: «Это всё из-за Кубани... решили, хватит от края одной команды... У «Кубани»-то стадион – сорок тысяч, а мы-то куда с пятью да в калашный ряд...»

После довелось мне увидеть огромные стадионы в столицах, но самым большим Стадионом в моей жизни навсегда остался наш – маленький.

Глава третья. Самое синее в мире

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я, тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!
А.С. Пушкин

Посреди полыхающего лета жара изнуряет. Можно спастись от холода – одеться, укутаться, забиться в тёплый угол, но от жары, от духоты не спрячешься! Море не спасает. Оно тёплое и днём, и ночью. Хочется залезть в холодильник, закрыться там, и сидеть, сидеть, сидеть, обнимая мёрзлую кастрюлю, вдыхая изморозь. Но холодильник занят, забит продуктами, бутылками, компотами под завязку. Из него падает, сыпется, если открыть дверцу неосторожно. В такие дни – одно спасение. Пусть непростое, пусть краткое, но всё-таки – спасение. Нужно долго идти по молу, зайти далеко, за середину и, сложив перед собой руки, вонзиться в море с четы-

рѣхметровой высоты, а потом, сильно разгребая воду, плыть ко дну, туда, где мерно колышутся плантации морских водорослей. Ушам немного больно, но эта боль терпимая. Не надо думать о ней. Надо думать, что ты – Ихтиандр, сын моря, родной, близкий, желанный морской стихии. Всё тебе здесь впору, всё доступно и знакомо. А до дна – рукой подать. Это на конце мола дна не достать, а тут – вот оно; ещё немного, ещё чуть-чуть и – попалось, поймано! Крепче зацепиться за водоросли, сжать до судороги пальцы – и теперь ты уже никакой не Ихтиандр. Ты – морская травинка. Одна из многих, только тёплая. Прохладные струи обтекают тёплую травинку, забирая изнуряющий жар, и уносятся в морские пучины, чтобы вернуться уже холодными. Нужно только их дожждаться. Они обязательно вернуться и одарят долгожданным упительным холодом. С каждой секундой и легче, и мучительнее. Не надо спешить разжимать пальцы, они разожмутся сами и – наверх, наверх, наверх. Пятно мутное, и нечёткое, которое приближается и колышется впереди жёлтой медузой, после всплеска обратится солнцем. Оно радостно ослепит: «Вот где ты прятался!», а потом снова начнёт жечь...

Дом-на-набережной

Маме предстояло работать в порту с иностранцами. Должность называлось – шипчандлер. Маму вызвали в одно серьёзное учреждение и долго инструктировали. Затем товарищ майор привёз маму к новому, только что сданному дому на Набережной и сказал: «Выбирайте, Лилиана Андреевна, себе квартиру». Конечно, имелась в виду квартира однокомнатная, потенциальных жильцов было-то всего ничего – мама да я.

Мама выбрала квартиру во втором подъезде, на четвёртом этаже, с балконом на море. Так в моей жизни появился Дом-на-Набережной...

Получив ордер на квартиру, мама написала об этом в Краснодар. Бабушка радостно захохала, а дедушка нашему счастью не поверил и лично приехал убедиться – так ли оно.

Чудо-

мальчик

Мы пошли с дедушкой к морю. Я был в длинном клетчатом пальто с большим и, видимо, несмываемым пятном между огромных чёрных пуговиц. Руки я держал в карманах. Было прохладно, но безветренно. На пустынном берегу пляжа мальчик, который показался мне очень взрослым, бросал

в море камни. Мальчик коротко разбежался и, чуть присев, резко отводил руку назад, словно сжимая какую-то невидимую внутреннюю пружину, затем, во время короткой паузы, направлял плоскую поверхность камня параллельно поверхности моря, и пружина разжималась – умело подкрученный, камень летел на встречу с морской гладью. Бросок получался не всегда. Часто камень, как лягушка, делал один высокий прыжок и исчезал в море, как в болоте. Иногда прыжков было три, четыре или даже пять. Но высшим пилотажем был бросок, когда камень проезжал по морю, как на водных лыжах, оседлав морскую гладь. Начинаящий поэт сказал бы: «Он словно делал в море строчку, и пропадал, поставив точку». Такой бросок случался редко. Зато, когда это происходило, мальчик, гордо распрямлялся, победно оглядывая восхищенную аудиторию, состоявшую из меня и дедушки. Я смотрел на мальчика, как на Божество. Даже в мыслях не было вынуть руки из карманов и попробовать кинуть камень самому. Пусть неудачно, но попробовать...

Так оно и пошло, так оно и поехало, другие размахивались, кидали, достигали, подкручивали, подмазывали, строили, а я восхищённо созерцал...

Вечером того же дня дедушка подарил мне шахматы и сделал на внутренней стороне доски памятную надпись – «мастеру “детского мата”». Это посвящение я постигаю до сих пор.

Наваждение

Он точно был, этот краб. Другое дело, куда он потом делся...

По какому-то внутреннему побуждению я посмотрел под ноги и – мамочки родные! Большой краб, страшный морской паук, пытался забраться ко мне в ботинок. Я бросился бежать по берегу...по лестнице... мимо памятника Неизвестному матросу к дому. Несколько раз я притормаживал, оглядывая ногу. Краба на ботинке не было. «Ну, всё, – решил я, – значит, он внутри».

Во дворе у четвёртого подъезда я поделился секретом со знакомыми девочками: «А вы знаете, ко мне в ботинок залез краб...» У нашего подъезда я встретил дедушку и всё ему рассказал.

Дедушка мне не поверил.

– Ну, я же чувствую, как он царапает.

– Глупости, пошли домой.

– Нет, не глупости, он там.

На лестнице мы вконец разругались. Я расплакался, дедушка разнервничался. Сорвали с ноги ботинок... Краба в нём не было...

Однажды в середине июля мы пошли с Боцманом на мол.

Боцман жил в первом подъезде Дома-на-Набережной, был он – хулиганистый парень, здоровяк, гроза окрестностей. С нами увязались пацаны лет по десять-одиннадцать. Они изнывали летом и от жары, и от безделья. Одним, без старших, идти на мол им было боязно, чего только на нашем молу не случилось, а с Боцманом ничего не страшно. Кроме самого Боцмана.

Мы двигались к цели, обходя редких рыболовов... Как же надо любить рыбалку, чтобы сидеть на солнцепёке ради улова из пяти-шести бычков! Вокруг каждого рыболова были раскиданы рыбы-зеленухи. Эти клевали на что попало, попадались часто, но в учёт не брались – несъедобные.

«Ну, хорош!» – сказал Боцман. А это значило – дальше не пойдём. Сначала бомбочками и солдатиками посыпались в воду пацаны, а потом солидно, по-спортивному прыгнули мы...

Пастись на плантациях водорослей надоедает быстро. Ну, раз поплаваешь Ихтиандром, ну, два, от силы – три. А потом понимаешь – трудно в море без жабр. Что же касается травинки, то она из человека тоже весьма сомнительная. Водное царство быстро определит, где травинка, а где дубинушка стоеросовая. И лишнее – отторгнет.

Возвращаться в царство раскалённых крыш и расплавленного асфальта не хотелось... И мы придумали игру. Мы стали играть в морских партизан. Мелкие стали партизанами, а мы с Боцманом – двумя эсэсовцами, которые их лови-

ли и пытали. Сложно поймать вёрткого, шустрого, вдобавок скользкого партизана. Он – то в море, то – между бетонными блоками, то за деревянными щитами. Он может быть в любой дырке, в любом укрытии. Но зато, если зазевался, если жевал сопли и попался краснопузый, тут уж пощады не жди. Мы с Бодманом за руки, за ноги тащим жертву к месту экзекуции. Товарищи по подполью, а вернее – подводью, пытаются нас отвлечь: дорогу перебегают, цепляют, подставляются: хватайте и меня, мол, один партизан хорошо, а два лучше. Но мы, не распыляясь на прочих, волочём пойманного. Впереди сладостный для каждого эсэсовца момент пытки. Партизан должен сказать, где прячутся товарищи. В какой дырке, под каким щитом.

Кто-то выдавал своих сразу и с удовольствием. Только разве можно хитрецу верить? Нет, конечно. Его надо пытать. Пытки опереточные, но достаточно суровые: руки заламывали, за уши поднимали, щеки сжимали двумя пальцами: «Говори, гадёныш, где враги рейха?» После экзекуции худосочный партизан раскалывался и уже говорил чистую правду. За это ему полагалась награда. Во-первых, боевая зеленуха! Большую дохлую зеленуху втискивали в плавки. Во-вторых, медаль медузы! Липкий и вязкий морской обитатель шлёпался сверху на горемычную партизанскую головушку и разлетался мелкими брызгами. И на закуску – полёт на волю! Освобождаемый герой ставился в позу пловца, изготовившегося к прыжку, и достаточно сильным ударом ноги по во-

робьинному мягкому месту отправлялся с четырёхметровой высоты на волю. Как правило, в полёте партизан, чтобы не шлёпнуться плашмя, успевал кое-как сгруппироваться. Ну, а если нет – то нет...

Каботажка

У каботажной пристани швартовались суда, которые не выходили в открытое море, а сновали по бухте, если пове- зёт – переплывали с одной стороны города на другую. Наверное, этим судёнышкам снились по ночам и сказочные острова, и киты, и пиратские флаги, и отважные капитаны, которые смело ведут их через рифы... Но они в своей негромкой жизни так и не увидят ничего, кроме нашей работающей бухты. Так бывает у женщин, которые говорят о себе: «Высоко взлетала, да низко села...» А наши катерки даже и не взлетали...

Около них вкусно пахло мазутом, сочно ругались пьющие матросы в наколках, бились о причал жирные волны, оставляя радужные следы, а рядом на площадках разгружались тюки или стройматериалы.

Однажды сгрузили песок, целые горы раскалённого песка. Ползти навверх сложно – руке сначала горячо, а потом топко, ползёшь-ползёшь, карабкаешься-карабкаешься-карабкаешься, а вниз летишь, кувыркаясь и замирая от восторга, считанные секунды. Потом это продолжается всю жизнь: долго-долго лезешь-лезешь, карабкаешься-карабкаешься ради нескольких секунд счастья...

Земляные снежки

Рядом с Домом-на-Набережной было свободное пространство. Пока на нём не разбили клумбы, мы с мальчиком Аликом мечтали построить на этом месте землянку и жить в ней. Хотя бы днём. Но начать строительство мы не успели.

Привезли сырую землю и высыпали её одинаковыми земляными кучами. Гарик и Серый предложили поиграть в земляные снежки. Мы с Аликом сидели в яме и обороняли её, а Гарик и Серый атаковали нас. Они подходили к нам с разных сторон и бросали в нас комья земли, а мы – в них. Когда мне сильно доставалось, я сносил это молча, а Алик вопил: «Ай-ай-ай!..»

В этот день Алик сам себя перекрестил. Его стали называть – Айайай. И во дворе, и в школе. Скоро никто и припомнить не мог настоящее имя Алика. Даже его развесёлая мамочка кричала из окна: «Айайай! Домой!»

А вот откуда взялось это липучее прозвище, знали немногие: Гарик, Серый и я.

На земле у моря

Как хорошо, что у нас не было компьютеров!..

Мы строили на берегу замки из песка, воздвигали из каменной пирамиды, выгоняли из укрытий крабов, ловили бычков, стоя по колено в море. На Набережной мы разоряли девчоночьи секреты, строили бассейны для головастиков, кидали плоские свинцовые блины, которые называли битами, искали в земле, привезённой с Малой земли, порошинки. А можно выгнать из норки паука. Найти на клумбе его нору и долго тыкать в неё тонкой палочкой. В конце концов, паук не выдерживает и убегает. Он в одну сторону, ты – другую. Страшно!

Вернувшись к морю, можно было кидать камни – кто дальше. А можно эти камушки обтачивать. Зачем бросать камень в море? Это не по-хозяйски. Куда лучше превращать его в произведение искусства. Для этого нужно долго бежать вдоль парапета, крепко прижимая к нему выбранный камень. На парапете остаётся белая линия, а поверхность камня постепенно становится гладкой-гладкой. Так можно обточить камень со всех сторон. Чем меньше становится камушек, тем сложнее его обтачивать, он может выскользнуть и упасть вниз. Ищи его потом среди камней необточенных...

Зато, когда работа окончена, когда все шесть граней глад-

ко отполированы, простой камень переходит в разряд произведений искусства. В результат набеганного труда. Держать бывший камень, а ныне произведение искусства, в натруженной и исцарапанной руке – большое счастье. Каждый мальчик, подержавший в руках такое выточенное изделие, неохотно отдавал его владельцу, и начинал сам как заведённый бегать вдоль парапета.

И в жизни, и в игре есть свои невезучие. Среди наших подшефных партизан невезучим был мелкий с кличкой Чуня. Он и попадался чаще других. И пытали его дольше: он никого не хотел выдавать, да ещё корчил от боли такие смешные рожицы, что пытаться Чуню было одно удовольствие. И медуза Чуне попадалась жирнее других. Аж с зеленоватым отливом внутри. И заключительный удар по тощей Чуниной заднице получался у Боцмана особенно сильным и сочным. А ещё бедолага не успевал сгруппироваться. И скоро на животе и на груди у него проступили большие красные пятна.

От партизанских страданий Чуню избавил подоспевший вечер.

Широкая балка

Договаривались с вечера, вставали рано, выходили всем двором. До винсовхоза добирались на автобусе, а дальше по берегу моря пешком, по камням. Шли, распугивая чаек и бакланов. Останавливались, чтобы залезть на прибрежную скалу и глянуть, что там на горизонте. Или поплавать в море с маской, высматривая ершей. Часа через два за последним поворотом открывалось чудесное место – Широкая балка.

Это два километра прекрасного пляжа: мелкая галька, песок, и море так резко уходит вниз, что прыгать в него можно прямо с берега. А главное только мы, обычные ребята, простые советские школьники становились полными хозяевами этой шикарной земли на целый день. Над нами не было никого – только небо. Мы были хозяевами и слугами, шейхами и бедуинами, Робинзонами и Пятницами, бледнолицыми завоевателями и туземцами. Мы загорали, ныряли, плавали, ловили бычков, гарпунили ершей, варили уху, жарили на костре мидий, делали из водорослей шикарные шапки, а на десерт у нас был чудесный закат...

Потом предприимчивые захватчики провели в Широкую балку дорогу, обозвали наше место урочищем, понастроили баз отдыха, и людей в этом урочище стало больше, чем на городском пляже...

Один арабский мудрец говорил, что человек не должен передвигаться быстрее своего верблюда. Иначе душа человека за ним не успевает. Наше заветное место заполнено бездушными людьми, понаехавшими на быстрых машинах.

Человек-амфибия

Наши любимые фильмы были о море, самый любимый – об Ихтиандре сыне доктора Сальватора. Мы благоговели, когда на экране появлялись великодушные герои. Негодовали, когда плели свои сети негодяи.

Михаил Козаков, вот кого я мечтал подстрелить из рогатки и украсить этим метким выстрелом своё детство. Вернее, заветной мишенью был не сам отчаянно молодой Михаил Михайлович, а сыгранный им злодей сэр Педро. Ах, какой это был Педро! Подлый, трусливый, лживый, незаслуженно богатый (разве можно быть богатым заслуженно?). Сколько гадостей наделал этот Педро! Ловил в сети Ихтиандра, приставал с женитьбой к Гуттиере, наврал, что спас её от акулы. Но ведь это совсем не он спас Гуттиэре от акулы, а Ихтиандр! Моему возмущению не было предела! Да только ли я?! Все ребята кипели от ненависти. Эх, попадись нам этот Педро!

Наш двор смотрел фильм три-четыре раза, все мы распевали революционную песню: «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно, там бы, там бы, там бы, там бы пить вино...» Наши родители были в ужасе, а мы – в восторге... Как мы ждали то место, где Гуттиэре танцевала на берегу моря зажигательный танец, глядя на Ихтиандра. Каждому из нас казалось, что прекрасная девушка смотрит на него, а не на этого

водоплавающего. А потом Ихтиандр нырял за жемчужным ожерельем. И каждый раз – доставал...

Анастасия Вертинская Михаил Козаков могли опять сыграть неразделённую любовь, на этот раз в лучшей (по мнению Козакова) из когда-либо написанных пьес. Он – самый молодой Гамлет, она – самая правдоподобная Офелия.

Козинцеву, пригласившему молодую Анастасию Вертинскую играть в его «Гамлете», говорили, что он ошибся, что роль слишком трудная

для малоопытной актрисы, что она не справится. Не сыграет сумасшедшую. «Ну что вы! – возражал режиссёр. Вы только посмотрите на неё! Посмотрите, какая фактура! Вылитая Офелия! Мечта Шекспира!.. А до сумасшествия мы девочку доведем...

В каждой игре главное – вовремя остановиться. Мы с Бочманом сделать этого не смогли – перебежали. Возвращались, едва-едва бредя. Ноги еле волочились. А наши «жертвы» бойкой стайкой шагали впереди нас и живо обсуждали, кого и как пытали, кого и сколько раз скинули. На поверку самым главным героем оказался Чуня. Его и скидывали больше других, и пытали дольше всех. А потом – он ведь никого не выдал...

Пресная вода

Фильм «Застава Ильича». На просмотр пригласили двух шведов. Предполагалось, что люди из цивилизованной страны будут вести себя прилично. Но вот что произошло. В момент душевных терзаний и угрызений главный герой открывает на кухне кран – вода не льётся. Шведы громко и от души смеются. Они думают, что это некий забавный трюк. Так называемый «гэг». Ведь как смешно: человек открыл кран, а из него ничего не течёт...

Эх, этим бы шведам моё немногочисленное детство. Воду зачастую давали на два-три часа в сутки. Мы набирали её в ванну, в кастрюли, в ковшики и во все скляночки и баночки. На всякий случай.

А однажды вода из кранов не текла целый месяц. Нас выручила солёная вода. Море! Пресную воду по морю доставляли в город огромным

танкером. Ранним утром машины-цистерны развозили воду по дворам. Водитель звонил в колокол, и – «воду привезли, воду привезли, воду привезли» – многократно повторялось в сонных квартирах. Кто с чем и кто в чём жители дома выходили за текущим дефицитом. Я брал большой кувшин и ведёрко. Они наполнялись очень быстро, а перетаскивались очень долго. Небыстрое это дело тащить поутру на

четвёртый этаж воду в двух руках. Лестница, злясь на то, что её оплёскивают, как кошка, выгибает спину и удлиняет хвост до максимального размера. Пытаясь не расплескать ни воду, ни сон, я затаскивал ведёрко и кувшин на кухню. На столе мамина записка: «Не забудь принести воду!». «Не забыл!» – зло говорил я и ложился спать. Школа – во вторую смену...

Стихи о море

Александр Сергеевич Пушкин, составляя донжуанский список, забыл включить в него море. А ведь полюбил он Чёрное море, как женщину –прекрасную брюнетку. Роман с морем влюбчивый поэт совмещал то с платонической любовью к юной Марии Раевской, то с безумной страстью к графине Воронцовой.

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам...
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

Об этих юных ножках Марии Николаевны мы узнали из лирического отступления в «Евгении Онегине». Многие доныне думают, что четырнадцатилетняя Маша выбежала к поэту из моря в бикини. Если бы...

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет

В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

В образе волшебницы из стихотворения «Талисман» выступила графиня Воронцова. Когда отношения Елизаветы Ксавьерьевны и пылкого поэта достигли своего неприличного пика, вмешался муж. Граф Воронцов попросил царя удалить Пушкина из Одессы. Царь вошёл в положение и высочайшим повелением поэт был отправлен под надзор в Михайловское. Возмущению Александра Сергеевича не было предела, он разразился гневной эпиграммой на коварного Воронцова.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

А тут, наконец, обошлось без женщин. Строчки прощания из стихотворения «К морю». Стихи Пушкина и к морю, и к любимым женщинам я прочёл рано. По возрасту мне положено было читать:

Ветер по морю гуляет

И кораблик подгоняет.

Но так вышло, что сразу после букваря, щедро осветило меня солнце русской поэзии. Эта солнечная инициация не могла ни сказаться, и я задумал написать стихотворение для журнала «Пионер». Любимых женщин на тот момент у меня не было, оставалось писать к морю. Тем более оно призывно штормило под окном.

К счастью о муках творчества я ничего не знал, стихи родились быстро:

Море злится, море стонет,
Словно хищник гнева полный.
И на брег неровный гонит
Одинаковые волны.
Над морем чайки белые.
Свободы они хотят,
И брызги, разведчицы смелые,
За моря границу летят.

Хотя опус этот по-пушкински вольнолюбивый, ответ из журнала меня расстроил. Зато к последующим отказам из редакций я стал относиться философски: нет – так нет.

Я приехал в отпуск. Мама сразу же снарядила меня с двумя сумками на рынок. У первого подъезда стояла новая, си-

яющая на солнце машина БМВ – чёрный бумер. Неожиданно мне посигналили. За рулём сидел Чуня. Я его узнал сразу, хотя от Чуни прежнего ничего не осталось. «На рынок?» Я кивнул. «Садись, подвезу». Я сел в машину и стал вспоминать, как же зовут этого Чуню. Разговориться мы не успели: в маленьком городе всё близко, до рынка ехать минут пять. Да и говорить, кроме жары, не о чем. Спросить: «Ну, как там наши?» Какие «наши»? У него свои «наши», у меня свои. Недавние похороны Бодмана – тема невесёлая. Её затрагивать не хотелось. Машина остановилась. «Ну, спасибо... пойду» – сказал я, подбирая сумки. Между «спасибо» и «пойду» неплохо бы было вставить имя водителя. Ну, там: «Спасибо, Саша... Спасибо, Витя...» Но имя Чуни я не так и не вспомнил. Наверное, потому, что не знал его никогда. А называть Чуней плотного, угрюмого мужика...

– Подожди, – сказал бывший Чуня и взял сигарету. – Помнишь, тогда, на молу...

Чуня закурил, а я опустил глаза. «Ну, вот и аукнулось, – пронеслось в голове. – Кто у нас такими иномарками рулит. Сейчас кликнет мой водила братков, повезут меня на мол и снова поиграем в «морского партизана». Только на этот раз партизаном буду я.

– Классно тогда поиграли, – выдохнул неотечественный дым Чуня. – Это самое дорогое воспоминание моего детства.

Глава четвёртая. Соседи.

Анастасия Фёдоровна

Наш дом очень большой, можно идти вдоль него целый квартал, завернуть за угол и снова идти, идти вдоль нашего дома, который застыл огромным квадратом на шумном проспекте.

Этажей в нашем доме где семь, где восемь, где девять, архитектура ступенчатая, необычная. На последнем этаже в углу дома бывшая мастерская скульптора. Очень большое помещение. Фамилию скульптора уже никто не помнит.

Я живу на седьмом этаже в малонаселённой квартире. В исполкоме мне так и сказали: «Квартира малонаселённая, дом сталинский»

– Как это «сталинский», – спросил я, – с решётками?

Женщина-инспектор строго на меня посмотрела и ничего не сказала. Тогда я задал ещё один глупый вопрос:

– А капитальный ремонт был?

Мне объяснили, что сталинским домам капитальный ремонт нужен будет не скоро, потому что построены они прочно, стены у них толстые, а потолки высокие. Малонаселённые квартиры в этих домах – большая редкость, обычно в одной коммунальной квартире людей много, но когда они все-

лялись, люди были согласны на всё, и все были очень счастливые, потому что въезжали из барачков.

Я иду за чайником, он должен быть на плите. Так и есть. У меня прекрасный чайник – куда поставишь, там и стоит. За мною на кухню выходит Анастасия Фёдоровна. Это моя соседка.

– Вчера, когда вас не было, звонил ваш приятель. Который вежливый такой. Всё говорит «пожалуйста», «будьте любезны», что-то он давно не звонил и не заходил.

– Прикован к постели, – поясняю я. – Женился две недели назад.

Это Эдик. У него медовый месяц. Не так давно он увидел в своей холостяцкой кухне таракана, то ли задумался, то ли испугался, и женился.

Анастасия Фёдоровна сначала картинно пугается, а потом довольно кивает: «Дай-то Бог, дай-то Бог...»

– Даст, – говорю я уверенно, – потому что этого вежливого знаю давно.

Мы с Эдиком навещали сюда перед моим визитом в исполком. Я ещё сомневался – соглашаться мне на этот вариант поселения или нет. Дважды я уже отказывался. Эдик сомнения мои развеял, он резко открыл форточку и принял: «Чистейший воздух! Не выдумывай, соглашайся. Тем более я тут рядом работаю, на Школьной. Буду к тебе на чай приходиться».

Я согласился. Так в моей жизни появился Дом-на-Энгель-

са. Дом, в котором, как выяснилось, мне предстояло прожить многие годы...

А Эдик так ни разу и не заглянул. За чаем мы сживали с Анастасией Фёдоровной. Вот как сейчас.

– Асенька, Асенька... – раздаётся из комнаты пенсионеров.

Это Фёдор Иванович. Когда я вселялся, Фёдор Иванович встретил меня радостно: «Мы старые, нам вдвоём скучно, а комната твоя хорошая, она только летом жаркая, зимой – холодная, и всё время шумная. Окно, как у нас, на проспект. Но я не слышу – глухой».

– Да, вам повезло, – сказал я. – Хорошо, что этих слов старик не услышал.

– Асенька...

– Пойду, что-то мой раскудахтался, – вздыхает Анастасия Фёдоровна и нехотя уходит. На сегодня мы с ней поговорили.

«Асенька, – слышится из соседней комнаты, – я пойду погуляю. Погода хорошая» – «Никуда ты не пойдёшь, нельзя тебя выпускать!»

Анастасию Фёдоровну узнать трудно, со мной она говорит мягким, душевным голосом, немного нараспев, а сейчас слова отрывистые, хлёсткие, отчасти для того, чтобы слышал туговатый на ухо Фёдор Иванович.

– Нельзя тебя выпускать, ты мигом провинишься.

– Так ведь время непродажное, – хитрит Фёдор Иванович.

– А ты и в непродажное своё добудешь. А мне надоело

тебя на седьмой этаж волочить.

В комнате пенсионеров нависает тишина. Фёдор Иванович обиделся, и Анастасия Фёдоровна его жалеет: «Подожди, Федя, обед приготовлю, так вместе и погуляем».

Но эта совместная прогулка интересует Фёдора Ивановича гораздо меньше. Весь фокус в том, что слово «провинишься» двоит, выдавая старика как ветерана винно-водочных баталий.

Интересно Фёдор Иванович выразился о времени: мол, оно «непродажное», но, по всем приметам, ошибся старик.

Я ополаскиваю чашку и начинаю одеваться.

– Анастасия Фёдоровна! – нужно сказать, когда я приду. – Анастасия Фёдоровна! Вы меня слышите?

– Иду, иду, иду, – приближается мягкий и певучий голос Анастасии Фёдоровны.

– Я приду поздно, будут звонить, так и говорите – придёт поздно.

Моя соседка широко улыбается и кивает. Когда я уезжаю по делам дней на семь-десять (моя малоответственная работа связана с ответственными командировками), старушка провожает меня особенно торжественно: приобнимет и для порядка немного всплакнёт. Сегодня расставанье штатное.

Я роюсь в сумке в поисках ключа.

– Да вы идите, я за вами закрою.

– Да что вы, я сам, вот он, этот проклятый ключ...

– Нет, я закрою, закрою.

В лифте я думаю о том, что Анастасия Фёдоровна хорошая и что надо бы ей подарить цветы. Когда я еду в лифте вниз, мне всегда приходят в голову правильные, светлые мысли. Да, нужно обязательно подарить цветы Анастасии Фёдоровне. Вот и Восьмое марта скоро, прекрасный повод отличиться. Если только меня не зашлют куда-нибудь к восьмому. Опять это «если только». Как только соберёшься на доброе дело, обязательно возникает какое-нибудь «если только».

Стоп, приехали. Первый этаж. От седьмого до первого этаже – двадцать пять секунд. Поздно вечером я войду в этот лифт и нажму кнопку седьмого этажа. Наверху буду долго искать ключ, который, в отличие от чайника, всё время от меня прячется, и, закрывая за собой дверь, громко щёлкнет засовом.

«Пришёл», – зафиксировывает Анастасия Федоровна. Спит она очень чутко: одним ухом прислушивается, как дышит Федя, а вторым – что происходит в квартире. Засовом можно и не щёлкать, но тогда, выждав некоторое время, Анастасия Фёдоровна встанет проверить, закрыта ли входная дверь.

Но всё это будет вечером, а сейчас – вперёд. Сегодня я начинаю новую жизнь. Я начинаю её каждый понедельник, каждый новый месяц. И уж, конечно, каждый Новый год неистребимо во мне желание начать новую жизнь, как сказано у поэта, «с белоснежного дня и листа». Эта жизнь должна быть чистой, неудачами не запятнанная...

Сегодня старикам принесут пенсию. Для Фёдора Ивановича пенсия – праздник, под это дело удаётся выпить чекушку. Ну, а дальше – как получится. Обычно получается лихо. Второй радостный момент заключается в том, что принесёт пенсию Ниночка – симпатия Фёдора Ивановича. Молоденькая, крепенькая, не так давно ещё деревенская девчушка.

Обычно в день пенсии Фёдор Иванович с утра беспокоен, а нынче что-то тише воды, ниже травы. Старику нездоровится. Утром мы повстречались в коридоре, на вопрос о здоровье Фёдор Иванович ответил: «Хуже некуда...».

У старика склероз, он часто пьёт крепкий чай. Врач сказал, что крепкий чай расширяет сосуды головного мозга. Про коньяк врач предусмотрительно не сказал, но Фёдор Иванович о свойствах спиртных напитков знает без подсказок.

Ниночка! Непрерывный и громкий звонок. Ниночка никак не может приладиться к нашему звонку. Она сильно давит крепким пальчиком, кнопка западает и звон-трезвон наполняет нашу квартиру. Я открываю дверь и поправляю кнопку.

Ниночка стоит сконфуженная:

– Ну вот, опять забыла про ваш звонок.

– Ничего, ничего, проходите.

– Ну, уж теперь-то я его запомню...

Фёдор Иванович услышал знакомый голос и как есть с дивана выскакивает в коридор. Старик улыбается и юлит во-

круг молоденькой девушки. В прошлом Фёдор Иванович ходок, это видно по неугасшему блеску в глазах. «Ты на него, на молодого, не смотри. На меня смотри, на старого. Старый конь борозды не испортит», – говорит Фёдор Иванович. И ещё добавляет: «Хоть глубоко и не вспашет». Этой добавки я раньше не знал. Ниночка краснеет и спрашивает Фёдорова Ивановича, как его здоровье. «Отличное! – бодро отвечает старик. – Мы ещё на танцы пойдём, если от жёнки сбегу».

Фёдор Иванович задорно подмигивает, Ниночка прыскает в кулачок, Анастасия Фёдоровна стоит тут же рядом и качает головой: «Надо же, кобель старый, а только-то лежал на диване, стонал...»

Отсчитав деньги и получив на мороженое, Ниночка уходит до следующего раза. Через месяц она опять позвонит своим фирменным звонком, забыв про особенность нашей кнопки, потому что память у Ниночки девичья, я снова выручу кнопку из беды, и мы соберёмся в коридоре слушать, как соловьём заливается Фёдор Иванович.

Какой сегодня выдался погожий денёк! Какое это чудо – солнечный октябрьский день! Больше всех остальных месяцев я люблю тёплый октябрь, и как же редко он случается в наших северных краях. Всё больше дождики поливают золотую осень.

В нашей квартире, да, я думаю, и во всём нашем большом доме погода тоже установилась очень хорошая. Фёдор Ива-

нович и Анастасия Фёдоровна вспоминали утром свою деревню. Обычно это происходит весной. Особенно, если весна, как говорит Фёдор Иванович, дружная. Тогда-то и начинаются разговоры о предстоящих сборах и переезде. Но вот, оказывается, и осеннею порою «бывают дни, бывает час», когда распогодилось, когда повеяло весной, и заговорили старики

о земляках, о собаках, об огороде, о грибах, о своей деревне в Псковской области, из которой они молодыми уехали в большой город Ленинград.

А тут возьми и случись война. Фёдор Иванович, токарь высшего разряда, был эвакуирован с заводом на Урал. Анастасия Фёдоровна всю блокаду проработала в больнице, на кухне. Это её и спасло.

Однажды я спросил соседку: «А почему уехали из деревни?» Спросил, потому что видел, что душою старики остались там, в псковских лесах, полях, огородах.

– Так не прокормиться было, – ответила Анастасия Фёдоровна.

– А-а-а, – голод погнал.

Я фантазирую, мои фантазии не дают мне покоя. Я на третьем съезде комсомола, на моей груди горит комсомольский значок, горят и мои глаза. Мы, молодые комсомольцы, затаив дыхание, слушаем Ленина:

– Очегедная задача Советской власти – отогвать от зем-

ли Фёдога Ивановича и Анастасию Фёдоровну! Покончим со стагиками, возьмёмся за молодёжь...

Ильич делает характерный жест в сторону зала.

– За вас, ублюдки поганые, недоумки, позогные, кухагкины дети. Куда вам стганую упгавлять? Вам надо лечиться.

– Ура! – не в силах больше сдерживать восторг, кричим мы.

– Лечиться, лечиться и ещё раз лечиться, – трижды бьёт лысиной по трибуне Ильич.

– Ура Ленину! Да здравствует вождь мирового пролетариата!

Все встают. Долгие несмолкающие аплодисменты.

Позвонила мама. Первая мысль: она, потомственная коммунистка, телепатическим образом узнала о моих фантазиях на ленинскую тему и сейчас отругает меня за непочтительное обращение с кумиром её поколения. Но нет, просто позвонила поговорить. Напомнила, чтобы я поздравил с днём рождения сестру Леночку, сказала, что море очень тёплое и люди до сих пор купаются.

Трубку поднимала Анастасия Фёдоровна:

– Да, да, Лиля Андреевна, здесь он... здесь ваш сын... Счастливая женщина, которая может спросить: где мой сын?

Когда Анастасия Фёдоровна передавала мне трубку, рука её дрожала, дрожал голос, а в глазах стояли слёзы...

У стариков нет детей. И не спросишь, почему. Легко ска-

зять: «Какие у вас милые детишки! А какие умненькие! Да сколько их!»

А вот спросить: «Почему нет детей?» – не спросишь. Язык костенеет.

Я шёл ставить чайник, но не дошёл. Свернул и затаился на пару минут в ванной. Старики, не скажу, что целовались, скажу осторожнее, ласкались. Бывший высококлассный токарь приобнял нынешнюю домохозяйку и что-то шептал ей на ухо. Когда я всё-таки появился на кухне, Фёдор Иванович глянул на меня вопросительно (видел – не видел?), немного подумал и сказал:

– Молодым был, любил целоваться взасос со свистом. Сегодня жену обучу. Она неопытная, не всё знает.

– Болтаешь незнамо что, – рассердилась Анастасия Фёдоровна.

– Сказал обучу, значит обучу, – шутливо упёрся Фёдор Иванович, посмотрел на сконфуженную жену и довольно засмеялся.

Старик умеет смеяться весело и заразительно, как Ленин в старых кинофильмах.

Я фантазирую, мои фантазии не дают мне покоя. Я – знаменитый художник. Моя мастерская на 5-й авеню, на 47-м этаже одного из небоскрёбов. Я рисую Арманда Хаммера с натуры. Бизнесмен излишне серьёзен и таким мне не нра-

вится. «Послушайте, Арманд, – говорю я. – Русский писатель Эдуард Дворкин в романе «Арманды» утверждает, что вы сын Ленина от Инессы Арманд». «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!» – хохочет Хаммер. Таким я его и изображаю. Арманд восхищён портретом, суёт мне в карман миллион долларов и предлагает дружить небоскрёбами. Если бы рассердился, мог бы и с лестницы спустить. А ведь этаж-то 47-ой... Ой-ой-ой...

У нас седьмой этаж, но когда человек стар, ему кажется, что он живёт в небоскрёбе... Анастасия Фёдоровна каждые три минуты бегают слушать лифт. Не идёт ли? Покружит по комнате и снова выскакивает на лестничную площадку. Вот соседку Галину Викторовну привёз лифт. Но не этого ждала от него старушка. Федя запропастился.

– Ушёл, и нет, и нет, – сетует соседка.

– А далеко пошёл?

– За подсолнечным маслом на Пархоменко.

– Там же винный рядом.

– Ох, и верно – всплеснула руками Анастасия Фёдоровна, – может, не приметит?

– Да как не приметит? Он только очередь полчаса обходить будет.

Что я говорю? Когда это Фёдор Иванович обходил очереди за спиртным? Он всегда кричал: «Кто последний?» или лез вперед без очереди.

– Ох, дура, дура старая, – сокрушается Анастасия Фёдо-

ровна и бежит на лестничную площадку, а я опять фонтанирую фантазиями...

Я – знаменитый писатель. Последний роман «Суслики на утренней заре» упрочил мою мировую славу. Опять миллионные тиражи, опять переводы на все языки мира. Моим романом зачитываются все, иногда кажется, что даже сами мелкие симпатичные зверки – и те почитывают и присвистывают от удовольствия... Я на Азорских островах. Недалеко у берега покачивается моя белоснежная яхта – «Инесса». Негры-поварята шустрят на кухне. Гововят моё любимое блюдо – суслик, запечённый в стойке. На берегу нагуливают цвет лица и аппетит мои наложницы, но сейчас не до них. Я за письменным столом. Скрипит золотое перо, роман «Полуденные суслики» пишется легко и свободно благодаря доскональному знанию темы. Уже недалёк финал, когда все суслики заснут крепким сном и угомонятся до радостного утра. Я поставлю точку и, подобно Жорж Санд, сразу же начну писать следующий роман, самый остросюжетный и самый драматичный из этой удачной серии. Название пока известно только мне – «Суслики в ночи». За эту трилогию я получу Нобелевскую премию в области литературы. Или – зоологии.

Фёдор Иванович пришел сильно выпивший, грозный, без даденных денег, но живой и невредимый. И на том спасибо. Поругать его у Анастасии Фёдоровны не получилось. Все её

старческие силы отняло ожидание.

Поправка в фантазию: нобелевку будет в области литературы. На сусликов скупой швед ничего не оставил...

Фёдор Иванович запил. Пьёт с каждым днём всё решительнее. Сегодня позвонили из Опорного пункта милиции: «Забирайте!»

Нашли у Фёдора Ивановича карточку, где написано, что он, такой-то такой-то, болен склерозом, тут же – его адрес и телефон. Мы с Анастасией Фёдоровной волочим старика домой. Самый трудный участок по лестнице к лифту, тут Фёдор Иванович может выскользнуть, а когда его не так возьмёшь – сердится.

У Анастасии Фёдоровны врач. Уговаривает полежать в больнице:

- Сердечко слабое, давление прыгает, понервничали...
- Федя один остаётся...
- Не маленький, неделю-другую переживёт...

Уговорил, уговорил врач Анастасию Фёдоровну, её отвезли в больницу. Вчера её навещал Фёдор Иванович, а сегодня пошёл я. После этого визита мне захотелось немедленно укреплять своё здоровье и заботиться о своём организме, словно я прочёл разом сто тысяч научно-популярных брошюр.

Анастасия Фёдоровна лежала в коридоре.

– Ничего, обещали переложить в палату...

– Как-то сыровато тут, извёстка сыпется.

– Нет, тут хорошо, я вот в больнице на Ленина лежала, там было плохо...

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, хорошо, а старик пьёт?.. Знаю, пьёт... Вчера приходил, а от него пахнет. Вы никуда не едете?

– Да пока нет.

– Ну, и слава Богу... старья-то тут, старья, – горестно качает головой Анастасия Фёдоровна...

Я фантазирую, мои фантазии не дают мне покоя. Я мудрый педагог. Я учу молодежь, пытаюсь своим опытом смягчить те удары судьбы, которые ребята неизбежно получают в будущем.

– Берегите вашу юность, – говорю я. – Пройдёт время, и вы станете старыми и немощными, помните об этом. Старайтесь не омрачать пороками юные годы, и тогда они подарят вам незабываемые воспоминания. Первый экзамен, первый поцелуй, первая близость – всё это волнует безумно, потому что впервые. Ощущения новизны и свежести катастрофически быстро тускнеют, ослабевают, а потом и улечиваются вовсе. Чтобы испытать эмоции равные по силе юношеским, нужны сверхсильные раздражители: первое погружение в Марианскую впадину, первая встреча с гуманоидом,

первая Нобелевская премия в области литературы...

– Нет, таким вы к ней не пойдёте! Нет, даже не думайте!

Фёдор Иванович напился и собирается идти в больницу. Я его не пустил, и мы с ним впервые серьёзно поссорились.

Фёдор Иванович отвлѣк, а я ведь ещё не закончил учительствовать. Я заканчиваю свою благородную проповедь в постели, перед сном:

– Жизнь принадлежит не тем, кто рано встаёт, а тем, кто рано ложится. И сразу крепко засыпает. Чтобы заснуть сразу и крепко, день нужно прожить активно, интересно и бодро в каждый преходящий момент. В этом случае к десяти вечера вас будет клонить в сон, а в пять утра вы проснётесь. Вас разбудит космический будильник...

Громкий стук в дверь, среди ночи... Я разбужен и совсем не космическим будильником... На пороге Фёдор Иванович:

– Слушай, а где Ася?

– В больнице, в больнице она... Федор Иванович, вы же сами её навещали... Она ещё ругалась, что пахнет от вас...

Фёдор Иванович подносит руку к виску, начинает припоминать, что-то в его голове проясняется:

– А... ну да...

Качает головой:

– Надо же, забыл... Извини...

Потом, когда Анастасия Фёдоровна умерла, старик ещё не раз стучался ко мне с неизменным вопросом:

– Слушай, а где Ася?..

Глава пятая. Соседи. Фёдор

Ив

анович

Ударили морозы. За тридцать. На улицах малоллюдно. Девушки поверх пальто перематывают шарфами, они стоят на остановках замотанные, с растопыренными ручонками, как пингвины. Стоят долго, автобус заводится в такой мороз не у всякого водителя. Ветви деревьев заиндевели так, что сами деревья кажутся растительностью какой-то далёкой планеты. Того гляди, встретишь гуманоида. Нет, в такую погоду много не нагуляешь...

Продрогший до костей, возвращаюсь. Фёдор Иванович на кухне. Пьёт. Но, к счастью, на этот раз чай.

– Сколько? – машет он в сторону окна.

– Тридцать два.

– Это не много, в финскую сорок четыре было, а нас в ботиночках выгнали, так помёрзло больше, чем постреляли.

– Да, в ботинках по такому холоду... Сподручней в валенках.

– Тогда, парниша, не спрашивали. В чём вывели, в том и беги.

Фёдор Иванович собрался в больницу, навестить жену. Трезвый, деловой:

– Не могу дома, хочется ближе к ней, в прошлую зиму, когда я лежал, она ночами у постели моей дежурила, всё одеяло поправляла...

Я вспоминаю прошлую зиму. Анастасия Фёдоровна собирается в больницу:

– Пойду к старику. Всё-таки это самый близкий мне человек... Хоть рядом посижу, хоть одеяло поправлю, кому он ещё нужен...

Я фантазирую, мои фантазии не дают мне покоя. Я – писатель. Но на этот раз – писатель-неудачник. Роман, задуманный мною, грандиозен, он мог обессмертить моё имя, но главный герой – вот гнида! – меня не послушал, затеял ссору и был убит на дуэли уже на пятой странице. А какой роман без главного героя?..

Мои соседи, наконец, оба дома. Но оба болеют, их навещает врач. После очередного посещения пенсионеры расстроены:

– Дожили, дожили, – мотает головой Фёдор Иванович.

У Анастасии Фёдоровны слёзы на глазах. Врач предложил им лечь в «хронику». Так на пенсионерском жаргоне называется дом престарелых.

Анастасия Фёдоровна ловит меня на кухне, присаживается рядом:

– Мне с вами нужно посоветоваться... нам, я думаю, ещё рано туда... мы ведь ещё и тут сможем...

– Конечно, конечно, вы даже не сомневайтесь...

Мне вторит Владимир – двоюродный брат Анастасии Фёдоровны:

– Ася, в голову не бери. Им нужна комната ваша и пенсии. Они за это премии получают...

Вроде, старики немного успокоились. Но вечером Фёдор Иванович мне по секрету сказал:

– Сегодня одежонку подготовили.

– Какую?

– Ну, ту, в которой хоронить... Кому ещё этим заниматься.

Пока мы секретничаем, Анастасия Фёдоровна беседует по телефону. Позвонила приятельница, вместе лежали в больнице:

– Нет, не будем продавать... этот дом, он нам особенный... здоровье у обоих плохое, но там, оно у нас улучшается... да, Ольга Ивановна, я тоже так думаю... хотя бы на пару неделек... на недельку... грибов там на Псковщине, ягод... хотя бы в последний раз...

– Ольга Ивановна звонила, – делится с нами радостью Анастасия Фёдоровна.

– Кто? – переспрашивает Фёдор Иванович.

– Ольга Ивановна, – громче говорит Анастасия Фёдоровна.

– Кто, кто? – опять не разобрал старик.

– Ольга Ивановна звонила! – кричит Анастасия Фёдоровна.

Фёдор Иванович радостно кивает, мол, понял.

– Как здоровье его?

– Кого?

– Ну, так Володи...

– Эх, Федя, Федя, – горестно вздыхает Анастасия Фёдоровна, – каким ты стал... да и я не лучше...

У Фёдора Ивановича – обострение болезни, он почти не слышит. И голова сильно шумит. Раньше я о склерозе знал по остроте: «Ничего не болит, и каждый день узнаёшь что-то новенькое».

Фёдор Иванович открыл мне эту болезнь с новой, неизведанной стороны: «Колол я дрова в деревне, поднял топор и щёлкнуло что-то в голове и зашумело. С тех пор так и шумит, иногда так шумит, что сил нет терпеть. Я почему выпиваю? Примешь стакан и, вроде, шумит меньше... а потом опять... никто не знает, какую я муку принимаю. Давно бы в окошко прыгнул, да жены жалко».

Иногда Фёдор Иванович просыпается и не знает, где он. Забывает номер дома, номер квартиры и своё имя. Во время прошлого приступа старику показалось, что они в деревне,

он спросил Анастасию Фёдоровну: «Где мама?.. Когда они пойдут на покос?..» Потом стал разговаривать с давно умершими людьми.

У нас ремонтируют лифт. Вернее сказать, старый лифт меняют на новый. Для моих пенсионеров это непростое испытание. Когда они не болеют, оно, конечно, переносится легче. Помню, по осени послан был Фёдор Иванович за картошкой, поднимался медленно, отдыхая на каждой площадке, поднялся весь мокрый.

– Надо же, взопрел весь, – заботливо обняла его Анастасия Фёдоровна.

– Так я бегом бежал, – бодро ответил старик.

Не дождался я, пока новый лифт начнёт функционировать, уехал в командировку. А когда приехал – дома горе. Анастасия Фёдоровна скончалась.

Соседи сказали, мужа пожалела (болеет, пусть спит) и пошла за газетами сама. А подняться смогла только до пятого этажа – инсульт. Там на лестнице и умерла. Похоронили – в деревне.

– А Фёдор Иванович где?

– В больнице... очень переживал...

Фёдор Иванович вернулся. В больнице старика подправили, подкололи, и теперь он тихий. Достал инструмент и где

надо по квартире подремонтировал. Руки у старика золотые, если он что-то делает, то любо-дорого глянуть... Но медикаментозного воздействия для смирения Фёдора Ивановича хватило ненадолго. Старик запил. В нашей квартире стали появляться малосимпатичные личности, с ними Фёдор Иванович хочет поделиться своим горем, про жену рассказать. Но пришельцам нужны только стаканы, а разговоры о жене, тем более покойной, ни к чему. Выпив, они уходят, оставляя старика обиженным, пьяным, одиноким.

– Асенька, возьми меня к себе, – слышится из его комнаты.

Фёдор Иванович может часами твердить это своё заклинание, эту свою безысходную мантру. Иногда он выходит на лестничную площадку к лифту и зовёт: «Ася, Ася...»

Это делается для соседей, чтобы они подошли, посочувствовали. Но никто к старику не подходит, а если и сочувствуют, то издалека.

Однажды он вышел к лифту голый и стоял, я с трудом его затащил назад в квартиру:

– Зачем вы это сделали, Фёдор Иванович?

– Я хотел, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь сказал...

Когда в квартире такое творится, заснуть трудно. Я закрываю глаза и представляю себя на пляже. Я лежу на песке, светит южное солнце, ласковое море едва слышно бьётся о берег, звенят цикады, летают чайки. Утренний туман скрывает

лодки, как сказано у Пушкина, рыбарей. Странный какой-то туман, нет чтобы рассеяться в положенный срок, он надвигается на меня всё ближе, ближе, ближе и превращается в едкий дым, мне тяжело вздохнуть, я просыпаюсь, вся комната полна едкого дыма, входная дверь раскрыта настежь, Фёдор Иванович стоит на лестничной клетке, на шестом этаже идут сварочные работы. Сначала лифт ставили, теперь они его ремонтируют. Весь дым валит в наш коридор, я затаскиваю старика в квартиру. Плотно закрываю обе двери...

У нас большое горе, эпицентр горя – Фёдор Иванович, он навалился на стол, прижавшись щекой к липкой скатерти, руки закрывают голову. Прямо перед ним фотография покойной жены, Анастасия Фёдоровна с букетом полевых цветов, улыбается. На фотографии она уже старенькая, но Фёдору Ивановичу она кажется молоденькой девушкой. «Доченька моя», – плачет бездетный старик. Жена ему была и матерью, и нянькой, и сестрой-сиделкой, и наставницей, и дочерью. Потерю Фёдор Иванович переживает очень тяжело, он всё время плачет, а когда устаёт плакать, вздыхает: «Пропавший я теперь человек...», – немного отдохнёт и снова плачет.

Никогда до этого я не видел, как плачут пожилые люди. Наверное, мне повезло. Даже трудно себе представить, чтобы мой дедушка, Андрей Фомич, заплакал на людях. Бабуш-

ка тоже была человеком мужественным и сдержанным. Слезы на её глазах я видел лишь однажды.

Меня провожали на учёбу в институт, впереди были первый семестр, лекции, зачёты, экзамены и прочие атрибуты студенческой жизни, поезд громыхнул вагонами и медленно двинулся в дальний путь. В этот момент бабушка заплакала. Я не ожидал увидеть на её глазах слёзы. Я закричал через вагонное стекло: «Я же буду приезжать!.. Буду приезжать!.. Приезжать!..» Но бабушка шла за вагоном и тихо плакала. Она знала, что это уже другой внук будет навещать наездами, что мы неизбежно теряем большую часть родства...

– Слушай, а ты «скорую» вызвал?

– Вызвал, вызвал, ещё час назад вызывал.

– Русский час длинный, – вздыхает Фёдор Иванович.

Ждём «скорую». Она у нас теперь частый гость. Фёдор Иванович просит вызвать чуть ли не каждый день. С приходом врачей вокруг него некоторая суета, какое-никакое внимание. Вопросы, ответы. Укол снотворного, после которого долгий и глубокий сон.

Это Фёдор Иванович усвоил хорошо, и если я прошу его потерпеть, не дёргать врачей, не трезвонить, он просит вызвать «скорую» соседей.

На следующий день после приезда «скорой» к нам приходит участковый врач Наталья Владимировна, женщина с

низким, хриплым голосом. Она выкуривает «беломорину», говорит со мной, стараясь не смотреть на Фёдора Ивановича. На прощание выписывает снотворное и говорит: «Если он не напишет заявление, в дом «хроников» его не положат».

Последний раунд с жизнью Фёдор Иванович проиграл. Раньше всегда выигрывал, в крайнем случае – бился на равных, а сейчас потерпел поражение и от непривычки проигрывать ему ещё тяжелее.

Бабушка долго болела... Я приезжал, как и обещал, после каждого семестра. Вот и в этот раз приехал на каникулы. Мой приезд мы решили отметить походом за пенсией. Из-за болезни бабушка долго не выходила на белый свет, и вот решила...

На улице бабушка стесняется, ей кажется, что все замечают, какая она неуклюжая, какая она неловкая при ходьбе. Ей непривычно ощущать на себе старенькое пальтецо, непривычно далеко идти, иногда бабушку пошатывает, тогда она хватается за меня и останавливается. Бабушка смотрит на меня и виновато, и с гордостью: «Вот вырос внук, можно на него опереться».

Фёдору Ивановичу опереться не на кого.

– Слушай, ты добрый... Убей меня...

– Что вы такое говорите, Фёдор Иванович?

– Господи, и зачем я только дожил до такого?!

– Вы поправитесь, обязательно поправитесь. Вы ещё...

– Нет, не поправлюсь, я по себе чувствую – не поправлюсь, – тихо перебивает старик.

Все нити, соединяющие его с жизнью, порваны, а жизнь осталась. И никак Фёдору Ивановичу не умереть. Мешает здоровое крестьянское сердце, которое стучит и стучит, стучит и стучит...

Сегодня старик учудил: открыл газ, а спичку к конфорке поднести забыл. Сидел, ждал, пока закипит чай. Кухню я проветрил, чайник ему вскипятил, но вот как его такого оставлять? А у меня на носу командировка.

– Федя, Федя, каким ты стал, – доносится с небес голос Анастасии Фёдоровны.

Она помнила Фёдора Ивановича молодым, задорным, жизнелюбивым. Мужчиной, который любил быть в центре внимания. Ходил на танцы, на футбол, с удовольствием употреблял спиртные напитки. К старости и немощности Фёдор Иванович приспособиться так и не смог, а тут и жена умерла. И начались хождения по мукам, начались испытания, которым старику противопоставить было ничего. Не было у него запаса духовности, книжек умных он не читал, по телевизору смотрел только футбол и программу «Спокойной ночи, малыши». После которой они с женой по-деревенски рано ложились спать...

В новом просторном лифте спускаюсь вниз. Обычно в такие минуты меня посещают радостные, светлые мысли, а в этот раз мысли мои чёрные, чернее некуда. Пока я разъезжал, пока меня не было, Фёдор Иванович покончил с собой. Выбросился из окна. Реализовал старик свою давнюю идею.

Окно было и закрыто, и заклеено. Двойные рамы, вата проложена, плотно задвинутые шпингалеты. Чтобы открыть верхний, нужно было забраться на подоконник. Нужен был инструмент. Руки старого мастера сослужили последнюю службу.

«Спьяну», – болтали в подъезде.

Нет, пьяным не заберёшься, не отвернёшь, не откроешь. Он всё сделал трезвым, сделал осознанно.

Стоп. Первый этаж. Я ехал двадцать пять секунд. А сколько падал Фёдор Иванович? Успел ли он испугаться? Вспомнил ли свою жизнь?

К нему отнеслись потребительски, как к скотине. Нужен был – наливали стакан. Не нужен стал – выпихнули на пенсию и забыли. Никому он стал не нужен, кроме жены. Не было у старика детей, так получилось, что не было, а умерла жена, и оказался он в космическом холоде. «А была ли когда-нибудь эта Русь на Руси, // Эта – с буйными нивами, // Эта – в пене сирени, // Где родятся счастливыми // И отходят в смирении...»

Фёдор Иванович ушёл из жизни неумиротворённым,

ушёл – озлобленным, исстрадавшимся. Теперь его неуспокоенная душа будет витать над нашим домом, посылая проклятия, грозя бедами жильцам, у которых произошло событие породило некое любопытство (старик... из окна... седьмой этаж), кое-кто даже видел накрытого белой простыней Федора Ивановича, человека, с которым жили под одной крышей.

Глава шестая. Мальчик, рождённый под знаком весов

Я понял, что, когда новорождённый впервые сжимает отцовский палец в своём крошечном кулачке, он хватается его навсегда.

Габриэль Гарсиа Маркес.
Прощальное письмо.

– Ну малыш, выбирай скорее!

Перед Митей две видеокассеты. На обеих детские мультфильмы: на одной – про козлёнка, на другой – про котёнка. Митя смотрит на кассеты, не зная, какую выбрать. Наконец он принимает верное решение – тянется за обеими. Одну ухватывает правой ручкой, вторую – левой. Он всегда так. Если спросить: «Митенька, какое тебе дать яблочко – зелёное или красное?» – он сначала долго смотрит на яблоки, а потом берёт оба.

– Ну хорошо, – смеётся женщина. – Ты у нас самый маленький. Забирай обе кассеты...

Я несусь сына на руках. Митя спит без задних ног, крепко прижимая к себе видеокассеты. Он и дальше будет крепко

держат своё. Это я всегда всем разбрасывался: когда направо, когда налево, а когда и в обе стороны сразу...

Все свои ещё невеликие силы мой сынок оставил на детском празднике. Попраздничал мальчик славно. Сразу сошелся с двумя хулиганистыми девочками старше себя, обеим больше двух лет. Вместе с девочками Митя бегал, кричал, танцевал, бесился. Короче, оттянулся на всю катушку.

Умение погулять, повеселиться заложено в Мите с рождения. У меня

такого умения нет до сих пор. Я им обделён. У меня всегда возникают робкие вопросы: «а можно?», «а это для меня?», «а не прогонят?»

Когда мне было три с половиной года, мы пришли с бабушкой на ёлку. До зелёной красавицы я не дошёл. Едва увидел, едва услышал большого басовитого дядьку с мешком, в красной шубе, ватагу ребятишек вокруг него, я испугался, спрятался в дальнем углу гардероба и сидел там под весёлую музыку до конца представления. Подарок от доброго Деда Мороза мне вынес мой, уже достаточно злой, бабушка.

Много лет спустя я нашёл родственную душу. В мемуарах Катрин Денёв прочёл: «Я была застенчива, боялась маскарадов. Новогодние балы становились для меня наказанием. Меня нет ни на одной фотографии в кругу веселящихся».

Митя родился в октябре, хотя по всем расчётам должен

был

родиться на полмесяца позже. Но поскольку не было заложено в нём ни кусачести, ни ядовитости, то пришлось будущему ребёнку поспешить и появиться на свет под звёздами Весов. Мальчик не ошибся: Весы – знак равновесия и мудрости. Для рождения мальчиков это самое благоприятное время. Если бы появление детей на свет Божий зависело только от воли родителей, многим бы папам и мамам захотелось для своих чад рождения исключительно под звёздами Весов.

Родился маленький человек в это благостное, благодатное, любимое всеми и «нашим всем» время, а кругом овощи, фрукты, «в багрец и золото одетые леса», бархатный сезон, солнце нежаркое и ласковое.

Примите также во внимание, что зачат ребёнок-Весы в декабре или январе, а в холоде зачатие и верней, и качественней. Не зря же мамонты проводили период ласканий, а уж тем более суровых любовных игр, в ледниках.

И наконец, самые ответственные месяцы беременности – шестой, седьмой и восьмой – пришлись на лето, когда маме хорошо, тепло, вкусно. Прибавьте сюда добрые человеческие отношения, участие, заботу, любовь – и рождение богатого талантами человека обеспечено. Коварная болезнь аллергия, если новорожденный имеет к ней предрасположенность, не страшна. Всё отцвело, и первый осенний вздох ребенка не отравлен ядовитой пылью.

Весы – кардинальный мужской знак, представители его

решительны и активны. Их экспансия во внешний мир ошутима. Среди родившихся под звёздами Весов множество выдающихся политиков, писателей, изобретателей, художников, музыкантов, учёных, авантюристов и любовников. Ну а как же без женолюбов!?! Их и ругать не за что, потому что правит активными и решительными мужчинами-Весами планета любви – Венера.

Пропуская вперёд прекрасных дам, поспешим отметить, что из десяти самых красивых женщин XX века четверо родилось под знаком Весы: обворожительная американка Лиза Хейворд, француженки – бедовая Бриджит Бардо и скромница Катрин Денёв, секс-бомба Нидерландов – Сильвия Кристель.

Под знаком Весов родились люди, которыми по праву гордится Россия: воитель Александр Невский, государственный деятель Григорий Потёмкин, учёный Иван Павлов, композитор Дмитрий Шостакович, философ, художник и путешественник Николай Рерих.

Звёзды Весов освещали рождение русского Гамлета – Павла Первого, русского Гомера – Сергея Тимофеевича Аксакова, русского Колумба – Отто Юльевича Шмидта, русского Геракла – Ивана Поддубного.

Поэты-Весы внесли, как и надлежит, весомый вклад в русскую словесность. Лермонтов, Бунин, Цветаева, Есенин, Клюев, Саша Чёрный, Галич, Коржавин. Такое мощное поэтическое собрание во главе с Михаилом Юрьевичем не смо-

жет выставить ни одно другое созвездие.

Звёзды Весов освещали рождение людей, которыми по праву гордится человечество: китайский мыслитель Конфуций, французская актриса Сара Бернар, английский певец и композитор Джон Леннон, американский писатель Уильям Фолкнер, бразильский футболист Пеле.

Уже никто и никогда не узнает, почему древние халдеи ввели в звериный круг механический прибор. Весы – единственное неодушевлённое созвездие. Не рычит, не кусает, не стреляет, не бодается – взвешивает себе потихоньку, что положено.

Митя родился в один день с изобретателем Альфредом Нобелем, сказочником Евгением Шварцем и режиссёром Никитой Михалковым. Так же как и незабвенный швед, Митя что-нибудь изобретёт и завещает; так же, как печальный сочинитель Шварц, он очень любит сказки; так же как Никита Сергеевич, Митя любит, когда у него много – и в обеих ручках...

«Ты – Весы (Libra). Площадь 538, ректосценция Альфа: среднее значение 15 h. Седьмой знак зодиака, созвездие южного

неба, соответствует первому осеннему лунному месяцу. Солнце

находится в этом знаке с 24 сентября по 23 октября. Весы – знак стихии Воздуха, мужской и активный. В твоём Зоди-

аке царствует Венера. Девиз твоих звёзд таков: «Твои мысли никогда не стоят спокойно. Всегда трепещут и порхают, как птичка. Кто бы им дал такие крылья, как голубиные, чтобы полетели к добру и там опочили».

Так написал писатель-Весы Павич.

Внутриутробная Митина жизнь была благополучной. Всё, что

ему нужно, он тут же получал от мамы. Резких движений мама во время беременности не совершала, передвигалась с римской грациозностью. И от лишних волнений судьба избавила. Впрочем, передвижения матери, ее резкие движения, её волнения – всё это до известных пределов не опасно для детёнышей, которые спрятаны в утробе. Тысячи лет беременные женщины и гребли, и жали хлеба, и косили травы, и детей рожали здоровых...

По вечерам мама музицировала, и Митя-плод не протестовал, ногами в живот не толкал. Хорошая музыка похожа на природные звуки, к которым детёныш генетически подготовлен. Она напоминает и пенье птиц, и плеск волн, и рокот катящихся камней, и шум водопадов... Митя созрел под звуки, родившиеся в душах композиторов-Весов: Листа, Сен-Санса, Гершвина, Шостаковича. Они волшебные звуки рождались под пальцами музыкантов-Весов Горовица и Рихтера. Внутриутробному музыкальному воспитанию способствовали прекрасно проводящие звук околоплодные воды...

Митя стал шевелиться, толкаться, буянить. Забурлили околоплодные воды. Нам стало интересно, кто же там и в каком количестве. Жена

пошла на УЗИ. Врач долго смотрел на прибор, потом сказал: «У вас девочка». «Ну девочка – так девочка!» – подумала жена и протянула

пятьсот рублей. Эскулап понял это по-своему: «Ну, хорошо. Я ещё посмотрю». И опять уставился на экран. «Нет, вы знаете – мальчик! Вот сейчас он повернулся и ясно видно – мальчик!» – воскликнул врач и взял деньги без зазрения совести. Как в воду глядел зоркий российский асклепий – мальчик и получился.

Я говорил, что назвал сына в честь Дмитрия Донского – защитника земли русской. Но придумалось это задним числом. Такая версия слишком красива, чтобы быть ещё и правдивой. Красивым бывает правдоподобие, а правда, одетая в простые, суровые, повседневные одежды, красивой бывает совсем не часто. Митю назвала тёща. Такова горькая правда. Приходил на тётчину дачу кот приبلудный, и звали его Митей. Имя запомнилось, полюбилось. Родился внук, решили Митей назвать и внука. Я в тот момент был так деморализован радостным событием, что ни во что не вмешивался. Митя так Митя. Но не говорить же, что сын назван в честь бродячего кота?!

Первый Митин документ – прямоугольный кусок клеёнки, на котором написано: «N 3451, мальчик вечерний, 21.10.20.25».

Первая Митина награда – медаль «Родившемуся в Санкт-Петербурге».

Митя долго спит, и мы не знаем, будить его или не будить. Мальчику от роду неделя, его контакты и способы взаимодействия

с окружающим миром ограничены мамой. Материнское молоко –

единственная его пища. Вернее, это не только пища. Правы те,

кто считает пищу не только источником энергии, но и источником

информации об окружающем мире. Материнское молоко – гигантский источник информации. Долгое время маленькому человеку ничегоне надо, кроме материнского молока. Молока может быть совсем немного, а растёт младенец как на дрожжах. Количество, качество молока вместе с ласковым материнским отношением – пружина здоровья, которая закладывается в организм человека в нежном возрасте. Позже в минуты болезней и кризисов, она подталкивает организм к выздоровлению. Во второй половине жизни, где-то после

сорока лет, люди, не вскормленные материнским молоком, вялы и болезненны. За счёт резервов организма они прожили первую часть жизни, но теперь запас жизненных сил израсходован, а что делать дальше?

Митя – в своей кроватке. Проснулся, побуянил, поел и опять уснул. Я смотрю на завернутого в пелёнки маленького человечка и думаю: можно ли угадать, кем он станет, когда вырастет? Посмотреть бы на сына через какой-нибудь магический кристалл и увидеть проступающие буквы будущей профессии. Или – Предназначения...

Моя первая мечта – стать продавцом в продовольственном магазине. Она запала в душу, когда девушка-продавец в белом, плотно повязанном платочке взвешивала мне колбасу. Всё было так аппетитно, так аккуратно, так вкусно! Девушка была такая красивая, так ловко орудовала гирьками! Что касается обычных рычажных весов – они мне казались верхом технического прогресса... Я даже где-то нашёл небольшую гирьку, что-то пытался взвешивать, но дальше этого дело не пошло, судьба повела и вкривь, и вкось...

А вот трёхлетний Слава Рихтер бегал за уличными оркестрами с небольшой скрипкой, которую ему сделал отец. Трёхлетний Миша Лермонтов подбегал к бабушке с немудрыми рифмами «пол–стол». Четырёхлетний Ваня Бунин наизусть рассказывал сестрёнке «Аленький цветочек», знаменитый пересказ Сергея Тимофеевича Аксакова.

Читаю статью Соловейчика «”Агу” и “бука”». Симон Львович пишет о моделях воспитания, находя в каждой несовершенства. Учат человека, а всё без толку. У одного литературного героя с детства перед глазами висели проповеди: «Не лги!», «Послушествуй старшим!», «Носи добродетель в сердце!», а вырос – Чичиков.

Так получается, если учат, а не любят. Симон Соловейчик во всех статьях о воспитании, призывает прежде всего любить ребёнка. И баловать. С ним согласна заботливая Атаманша из «Снежной королевы» Евгения Шварца: «Детей надо баловать, только тогда из них получаются настоящие разбойники!» Казалось бы... «Но, – напоминает воспитатель-Весы Симон Львович, – вспомните эту шайку, только в Маленькой Разбойнице, в девочке, которую и любили, и баловали, осталось что-то человеческое».

Мите полгода. Мы гуляем в парке. Я показываю малышу
белый

пушистый цветок: «Смотри, сынок, – это одуванчик!»
Митя долго,

внимательно смотрит на первый в своей жизни одуванчик. Слово это и не одуванчик вовсе, а поверхность незнакомой планеты. Сенека писал: «У меня всегда много времени отнимает само созерцание мудрости: я гляжу на неё с изумлением, словно на вселенную, которую подчас вижу

как будто впервые...» Митя смотрит на пушистый цветок долгим мудрым взглядом. Он недавно вернулся на Землю из Царства Духа и поэтому ещё многое помнит. Я резко дую на одуванчик, пушистый шарик разлетается на десятки парашютиков. Митя довольно смеётся. Он счастлив. В Царстве Духа такого не было.

Митя учится есть из ложки. Даётся нелегко. Сначала мальчик пытается ложку пососать, но из этого ничего не выходит. Митя хнычет. Жена нервничает. Обоим трудно. Мама в первый раз учит есть из ложки, сыночек в первый раз пробует что-то из ложки съесть...

Митя в ванной. «Ну вот, – говорит мама, – мы и помылись мыльцем. А теперь помоем волосики». Митя мотает головой. Он не согласен. Ну а какой ребёнок сразу же соглашается мыть голову? А если мыло попадёт в глаза? Надо зажмуриваться. «Папа, посмотри какой чистый-пречистый мальчик. Но какая у него грязнющая голова. Фу!» – «Нет, – возражает Митя. – Ах!» – «Вот мы вымоем головку, тогда она и будет – ах! Вымоем и папе покажем. Уболтали кое-как мальчика, помыли голову. Потом и хором сказали: «Ах!»

Митя смотрит мультфильм «Принцесса и гоблины». Гоблины – мерзкие существа, похожие на уродливых гномов. Когда

их показали впервые, я картинно воскликнул: «Ой, боюсь, боюсь!» и прижал Митю к себе. «Ваюваю», – повторил за мной довольный зрелищем Митя. С тех пор гоблины стали называться Ваюваю. А потом Ваюваю повысило свой статус и стало сборной страшилкой: смесью Бабы Яги, Серого Волка, привидения и милиционера. Подчас это Ваюваю играло весьма позитивную роль, оно активизировалось ближе к ночи, бродило по улицам, забегало в подъезды, и поэтому маленьким деткам нужно было срочно ложиться спать.

Никита Сергеевич Михалков, наш выдающийся кинорежиссёр, вспоминал, что самые яркие обиды детства связаны у него с Новым годом. Строгие родители укладывали его спать в одиннадцать часов. Бой курантов, радостные крики маленький Никита слышал сквозь сон или не слышал вообще. К своим детям Никита Сергеевич, при всей его отцовской строгости, отнёсся гуманнее, разрешая им встречать Новый год вместе со взрослыми.

Вот и мы решили не укладывать сына спать накануне новогодней ночи. Тем более, что Митя очень любит Новый год, ждёт этот зимний праздник так же, как и свой собственный осенний день рождения. На ёлке Митя готов ходить хоть каждый день. Деда Мороза Митя не боится, на детских ёлках готов по первому зову громогласного Деда подбежать к нему – или стишок почитать, или подсказать, куда скрылась Баба Яга, или (самое приятное!) получить подарок. Когда шум-

ные праздники со Снегурочками и Снеговиками заканчиваются, Митя грустит. Однажды, когда закончились все елки, сказал: «Я хочу спать весёлым Дедом Морозом». Надел красные штаны, красную куртку, красную шапочку с белым помпончиком и таким нарядным заснул. Что поделать, такой получился общительный, коммуникабельный, тусовочный ребёнок! Любит, когда все радостные. Когда шумно, весело, празднично. Любит, когда за столом большая компания, а на столе много всего вкусного, и, конечно, любит подарки.

В третью свою новогоднюю ночь Митя веселился наравне со взрослыми до пяти утра. Мы-то думали, что после часа его убаюкаем и отдохнём – какое там! Митя отгулял всю ночь, а когда в пять утра стали убирать со стола, решил помочь. Схватил два хрустальных бокала и побежал с ними на кухню с намерением швырнуть их со звоном в раковину. Я предотвратил катастрофу в последний момент.

У мамы день рождения. Митя нарисовал открытку и выучил стихотворение: «Мама! Так тебя люблю, что не знаю прямо! Я большому кобаблю дам название – «Мама». В стихотворении всего две буквы «р». Это плюс. Меня немного резанула строчка «что не знаю прямо», но мама осталась Митей очень довольна, бросилась целовать-обнимать своего мальчика.

Митя стоит на подоконнике, мы играем в трамваи. Игра

простая: если трамвай проходит направо – очко мне, если же трамвай идёт налево – очко Мите. Мальчик выигрывает каждый раз, очень редко получается ничья, потому что слева трамвайный парк, и ближе к ночи трамваи тянутся туда. Как в гнездо. Вот и сейчас счёт 3:1 в пользу Мити. И снова трамвай идёт налево! Всё, сынок, ты победил.

Митя доволен. Вечер сложился для него хорошо: мы играли в лото, в

трамвай, Митя с мамой пел петьку (песенку). Я подлез к ним

третьим. Митя обнял меня правой рукой, маму – левой, ощутил

гармонию равновесия и, улыбаясь, сказал: «У меня есть два друга».

Митя собран на дневное гулянье. Я заверяю жену, что уж полтора часа нас она точно не увидит. Начало лета. Июнь. Не сказать, что он полыхает, но не холодно. Митя бежит по склону около небольшого пруда. Пруд зарос ряской, сплошная ровная замшевая поверхность, под которой вода. Митя сбегает вниз и на опасной скорости приближается к пруду. Он думает, что перед ним красивая полянка, по которой можно пробежаться. Я рванул за Митей, но поздно: он шагает на полянку – и уходит под воду с головой. Секундой позже я рывком вытаскиваю его из воды за шиворот. Мальчик пахнет тиной. По нему ручейками стекает вода. Он не пла-

чет, но ошарашен. «К маме...» – говорит Митя. С мокрым, тяжёлым мальчиком на руках бегу домой... Около часа Митя сидит в ванне. Отмокает.

Митя приготовлен ко сну и уложен. Осталось одно действие из предсонного ритуала, которое мальчик ждёт, без которого он не заснёт ни за что. Это сказка про страшное Ваюваю и непослушного мальчика. Куцеватая поначалу сказка в ходе многократного повторения обросла деталями и подробностями и превратилась в насыщенное и драматическое повествование. Главное действующее лицо – непослушный мальчик, который на ночь глядя вдруг оделся и пошёл гулять в парк, заявив родителям, что там ему совсем не темно, потому что светят огоньки. Главное злодействующее лицо – Ваюваю, которому не досталось мяса, это небритый дядька, который крутит карусель, украл у Ваюваю мясо, продал его и купил себе водки. На этого дядьку, уже пьяного, Ваюваю так нарычало, что он... Ну в общем с ним произошла неприятность. Митя знает, какая, и всегда на этом месте смеется. Так вот – заходит мальчик в парк, а там действительно два огонька в кустах. Это светились глаза Ваюваю, оно как выскочит, как выпрыгнет: ну и конечно, погоня. Без неё не обходится ни одна остросюжетная современная сказка. Мальчик очень быстро бегал. Но ведь у него только две ноги, а у Ваюваю – целых четыре. На счастье, светофор мальчику помог и зажёл перед Ваюваю красный свет. Ваюваю ждало,

потому что правило это для всех: если красный свет – жди. Мальчик тем временем добежал до подъезда и успел в лифт заскочить, а Ваюваю за ним побежало по лестнице на своих мохнатых ногах. Мальчик на лифте, конечно, быстрее доехал, начал звонить и стучать в дверь. «Кто это к нам так поздно?» – спросили удивлённые папа и мама. «Откройте, это я, ваш мальчик! – закричал мальчик. – За мной гонится Ваюваю!» А Ваюваю и вправду гналось, оно уже добралось до шестого этажа. Совсем чуть-чуть – и Ваюваю схватило бы мальчика, но папа приоткрыл дверь и мальчик успел юркнуть в щелочку. Дверь захлопнулась. Ваюваю клацнуло зубами у закрытой двери и сказало: «Ладно, пойду опять в кустах посижу, может быть, ещё один непослушный мальчик в парк придёт. В крайнем случае пьяного дядьку съем». А наш мальчик сам снял курточку, шапочку, сапожки и сказал, что теперь он всегда будет слушаться папу и маму и никогда не будет ночью гулять в парке.

Вот такая леденящая душу ребёнка история, которую Митя слушает, затаив дыхание, а после всех этих ужасов засыпает безмятежным сном.

Митя смотрит учебный фильм про Фафалю. Фафалья – инопланетянин, не может ни говорить, ни писать, потому что не знает ни одной буквы. Митя и Фафалья учатся вместе.

Митя смотрит на шахматного чёрного короля и не заду-

мываясь говорит: «Оёй ченый». В переводе с детского – «король чёрный». Фигуры мальчик запомнил быстро, знает, как они ходят, как бьют, но играет неохотно и недолго. Что ни говори, шахматы – игра нудная. Больше в ней созидания, чем разрушения. Сколько я промучился, пытаюсь заинтересовать Митю шахматной игрой, но мальчику интересней футбол. Нежданно-негаданно, или сверху, или сбоку, а может быть, снизу – из самой преисподней – пришла идея. Я предложил Мите перед каждым ходом бросать два кубика. Шесть граней на одном кубике, шесть – на другом, шесть шахматных фигур. 666 – точно из преисподней! Договорились так: один – пешка, два – конь, три – слон, четыре – ладья, пять – ферзь, шесть – король. Играть стало лучше, играть стало веселее.

Главным образом за счёт дублей. Если выпадает дубль – например, два-два – можно пойти конём дважды. Или сделать ход одним конём и другим. Урон противнику будет нанесен точно, а уж если два раза подряд пойдёт ферзь... Митя стал играть в шахматы охотней. Некоторые сложности были у нас с шахом – но мы их устранили, условились при шахе закрываться той фигурой, которая выпадет, а если ничего не выпадает, тогда можно сделать ход королём. Не стоять же монарху под шахом... Хорошую мы придумали с Митей игру. Ребёнок в неё играет с удовольствием, особенно когда ему везёт. Только как теперь заставить мальчика играть в нормальные шахматы? Которые без кубиков...

Митя пришёл к папе на работу. В Издательский дом «Калейдоскоп». «Велик, могуч «Калейдоскоп», его поля необозримы...»

Пространство и озорное эхо зовут побегать и покричать, и очень странно, что ни побегать, ни покричать нельзя: люди работают. Совсем как дома: «Митя, не шуми! Митя, не кричи! Папа работает». Зачем тогда мы сюда пришли? Мальчик было погрузился, но тут – о радость! – большой рыжий дядька со смешной фамилией – Макогон подарил Мите набор толстых фломастеров. Энергия, которая едва не превратилась в беганье и кричание, сублимировалась в творческий порыв. Не успел я глазом моргнуть, а Митя уже нарисовал на обычном листе бумаги необычную картину. Она имела длинное и подробное название: «Цапля, которая хочет съесть лягушку, которая этого совсем не знает». С белого листа широко и добродушно улыбалась лягушка, которая, вероятно, только что переправила в своё прожорливое брюшко кузнечика, не дав ему подружить с мухами. Лягушка была очень довольна, она откровенно радовалась и жизни, и солнцу, желтевшему в верхнем правом углу. Видимо, эйфория, охватившая всё лягушкино существо, помешала ей увидеть цаплю с широко раскрытым клювом. Цапля была прямая, будто карающий меч революции. Безусловно, это многоплановая картина была самым значительным успехом художника за годы за годы создания живописных работ. И надо же такому случиться: творение было загублено рукою самого

творца. Он хотел подписать – «МИТИНА КАРТИНА», но сбился. Зачеркнул, стал писать просто «МИТЯ», но написал плохо. Зачеркнул, стал исправлять. В конце концов картина была испорчена окончательно, а перерисовать не получилось. Порыв вдохновения иссяк.

Мы играем в шахматы и ждём маму из парикмахерской. Митя знает, что, когда мама войдёт, нужно обязательно похвалить её причёску. Пришла! Слышно, как ключ проворачивается в замке, как захлопывается дверь. Митя выскакивает в коридор: «Какая красавица!»

Мама ещё и шапку снять не успела.

Я читаю Мите стихи:

– Это что растёт у вас

Между глаз?

Извиняюсь за вопрос.

– Это нос.

Стихотворение из первой книги, подписанной лично Мите. Я привёз эту печатную новинку из Москвы. Автор – Игорь Иртенъев.

– И давно он там растёт?

– Где-то с год.

– А что было до него?

– Ничего.

Неспроста стихотворение написано про нос. Ой, неспроста. Зуб даю, автор писал, глядя на свой нос, который достаёт языком легко и не

напрягаясь. Однажды зашли мы с ним в кафе и пока официанта ждали, Игорь сказал: «А хочешь, я нос языком достану?» И достал. Я – был поражён.

– Не мешает ли он вам

По утрам?

Утром нет. Вот ночью – да,

Иногда.

При бритье точно мешает. Не иначе поэт вдохновился написание стихотворения о носе, выбривая своё, как он сам же написал, «ещё не старое лицо», пытаясь не поранить основную часть этого лица. Уточнять какую, думаю, нет необходимости.

– Может, как-нибудь его

Вам того...

Обратились бы к врачу.

– Не хочу.

Моя бабушка, Надежда Семёновна, когда видела такой нос, всегда говорила: «Ну и нос! Для семерых рос, а одному достался!»

Он, глядишь, и сам пройдёт
Через год,
А пока пускай растёт
Взад-вперёд.

Да конечно, пусть растёт! А кто против? Тем более, стихотворение Мите понравилось. Мальчик слушал стихи внимательно, а не ёрзал взад-вперёд, как бывает.

Любопытную историю рассказал Игорь. Легендарный боец Иван Поддубный любил молоко. За день мог выпить несколько литров. Учítывая этот примечательный факт, руководство Царицынского молокозавода на пакетах молока поместило изображение мощного богатыря с колечками знаменитых нафиксатуаренных усóв. У магистралей на рекламных щитах сиял Иван Поддубный, поднимая стакан с белым целебным напитком, а рядом – стихи поэта Игоря Иртеньева: «Если это пил Иван, // Значит, нужно пить и вам!»

Надо же было такому случиться, что мимо одного из щитов везли первого президента России. Человек пожилой, проезжал быстро. Смысл написанного понял, как это не раз бывало, приблизительно: какой-то Иван держит стакан и

призывает всех пить. Ну и пробурчал президент нечто осуждающее в адрес данного плаката. Типа того, что пить— здоровью вредить. То, что пить можно и молоко, президент давно напрочь забыл. Помощники первого лица поняли бурчанье пожилого человека как директиву. На следующий день все щиты были сняты. Завод понёс немалые убытки. А президент публично не раз говаривал, трогательно пытаясь припомнить содержание двух строк: «Вот там, понимаешь, это... Если Иван пил, то вроде и мы должны... Нет, не так... Если это пил Иван, то и я, что ль, должен?!» Игорь написал покаянные стихи:

Поэт всегда за всё в ответе,
Прости, любимая страна,
Что не сумел в простом пакете
Я разглядеть двойного дна.

Вольный поэт, понятное дело, резвился, а вот подневольному руководству молокозавода было не до шуток.

Митя не любит конфликтов, долгих ссор. Мальчику сразу же хочется помириться. Он понимает, что, когда люди ругаются, — это очень плохо. «Митенька, а почему у тебя на рисунке мальчик такой грустный?» — «А его мама поругала». Однажды Митя с мамой ушли гулять на час, а вернулись через пятнадцать минут, оба в слезах. Что не поделили?! Я

не знаю, кого утешать. Кинулся было к Мите, жена кричит: «Не смей его жалеть!.. он... он...» – и от слёз, от возмущения даже не может высказать, чем же её так сынок достал.

Однажды я одевал Митю на прогулку, а он мешал – нарочно и целенаправленно. В конце концов я не выдержал, шлёпнул и оттолкнул его. Митя расплакался и сказал: «Мне не нужен папа, который своих ребёнок толкает...»

А было дело – Митя вдрызг разругался с мамой и заявил: «Я хочу, чтобы другая женщина папе дверь открывала!»

Митя сидел, болтал ножками и вдруг с непривычной серьёзностью спросил: «Папа, а у тебя был папа?» – «Да, сыночек, немного был» – «Строгий?» Откуда мальчик знает, что папа должен быть строгий?

Строгий папа был у Никиты Михалкова. Вёз он как-то отрока Никиту на дачу, по дороге заговорили о стихах. Никита в полемическом задоре возьми и скажи: «А у Тома, а у Тома ребятишки плачут дома». Пишешь всякую хрень». Отец остановил машину: «М-между п-прочим, то, что я п-пишу, кормит тебя, твоего брата и всю семью. Выйди из машины». И уехал. Двенадцать километров Никита шёл пешком. Погода была хорошая, а ходьба, как известно, прекрасное физическое упражнение, во время которого, в голову молодого человека приходят верные мысли, помогающие понять, что откуда берётся.

Мой сынок как-то тоже затеял подобный разговор со

мною, правда, мы обошлись без конфликтных последствий.

Митя задумчиво сидел за столом с цветным фломастером в левой руке. Неожиданно мальчик предлагает: «Папа, а давай я буду папа, а ты будешь мальчик». «Давай, сынок», – отвечаю я, механически перекладывая бумагу. «Уходи отсюда, мальчик, – строго говорит Митя. – Не мешай мне. Я буду думать, где денюшки взять, где денюшки взять!..»

Глава седьмая. Митя на чёрном море

Я месяц примеряю к небесам
Над крышею и серебристым вязом...
Роберт Фрост

Здравствуй, вирус

Митя покашливает и пару раз чихнул. Мы сегодня не будем

играть в трамваи: окно холодное, смотреть на улицу неприятно и зябко. То дождь, то ветер, то ветер с дождём. А небо... «Наше небо сивое...» – писал Александр Пушкин. «Бронхитное небо» – сказал в такую пору Саша Чёрный.

Читаем: «Сказку о царе Салтане», «Сказку о рыбаке и рыбке». Солнце русской поэзии, до дня рождения которого осталось-то недели три, светит исправно, а вот небесное светило филонит и прогуливает. Оказывается, ему присущи чисто человеческие слабости.

Нынешний год, год ленивого солнца, явно отстаёт в развитии. Пятый месяц ему никак не дашь. От силы третий. Дела наши осложняются тем, что отопление уже отключено. Насосы разобраны, котлы погашены, ремонтники залезли в топки и пытаются определить, какие трубы ещё простоят сезон, а какие потрескались, покорёжились в результате безграмотных действий обслуживающего персонала и нуждаются в замене.

Митя пьёт чай с южной малиной и укладывается спать. Завтра мальчик будет здоров. Он справится с лёгким недомоганием быстро, потому что крепенький, потому что пер-

венец.

Звонит бабушка Лиля: «Ой, а у нас так тепло, такое солнышко ласковое, все купаются...» Проводим семейный совет. Решено: я беру отпуск и лечу с ребёнком на юг – туда, где тепло. Жена две недели ударно отрабатывает и воссоединяется с нами.

Через три дня мы с Митей улетаем прочь от погодных аномалий. Но пока летели, пока ехали, холод с Севера пришёл на юг. Тот же дождь, тот же ветер. Солнца почти нет. Какой-то циклоп покажет из-за горы красный глаз и опять скроется. Показывая мальчику, какой у него лихой папа, я искупался в море и заболел. Уже культивированный вирус подхватил Митя. Вдвоём заразить бабу Лилю труда не составило. Однокомнатная квартира на самом берегу Чёрного моря превратилась в лазарет. Лежали, медленно поднимались и ходили, потом снова ложились. Первым поправился Митя. Вторым одолеть коварный вирус удалось мне. Бабушка болела дольше всех.

Мы лежим с Митей на диване и слушаем Норд-ост.

– Папа, а почему мы уже выздоровели, а бабушка ещё болеет?

– Ну, мы же мужчины, а бабушка старенькая.

Митя приподнимает голову проверить, действительно ли бабушка старенькая. Мама лежит, укрытая двумя одеялами, окутанная шерстяным платком и в очках.

– На Ваюваю похоже, – ставит диагноз внук. Я с ужасом

успеваю подумать, что если мама услышит...

– Вот так и относитесь, как к Ваюваю – хрипло отзывается баба Лиля.

Замечательные люди

Мы нашли в бабушкиной библиотеке книжку о замечательных людях Средних веков, листаем. Но читаем не обо всех подряд, а только о тех, кто, как и Митя, родился под знаком Весов.

– Папа, смотри – опять с бородой...

– И усы, и нос с горбинкой, и лоб высокий, и отвага в глазах. Ух какой! Но давай вернёмся немного назад. Смотри – и верно похожи портреты, как две капли испанского вина. Первый по порядку идалыго – это Игнатий Лойола, он назвал себя так в честь родового замка, в котором вырос.

– Замок звали Игнатий?

– Нет, сынок, замок назывался Лойола. Про замок уже и не помнит никто, а вот Лойола знаменит тем, что основал Иезуитский орден. Основал с самыми благородными намерениями. Он мечтал о том, чтобы члены ордена, обходя белый свет, поражали дурных людей мечом словесным, искореняя зло в зародыше...

Митя зевает, вот-вот заснёт. Он ещё не готов к борьбе со злом, он ещё маленький.

– Митенька! А вот второй бородатый испанец – это знаменитый писатель Сервантес. Но писать он стал не сразу, сначала – воевал. На войне ему поранили руку, и он уже не мог

сам сражаться со злом. Поэтому вложил меч в руку благородного рыцаря Дон Кихота. Это герой его романа. И ты знаешь, этот одинокий воин в борьбе со злом преуспел больше, чем все иезуиты Лойолы вместе взятые. Ну-ка почитаем, что пишут: «Самый известный в мире ратник на верном коне Росинанте, сопровождаемый лукавым оруженосцем, пересёк границы Испании и стал странствовать по свету. Читательские сердца он покорял быстро. Так же быстро, как и его рыцарское сердце покорила несравненная Дульсинея Тобосская. В начале девятнадцатого века вымышленные Сервантесом герои спасли от разрушения реальный город Тобосо. Наполеоновская армия вторглась в Испанию, двухтысячный городок был окружен многотысячной армией неприятеля. Пушки были заряжены, но не грянули. Командующему генералу доложили, что перед ним город, где жила возлюбленная Дон Кихота. Галантный француз не пожелал войти в историю позорным геростратовским образом... Гений Сервантеса, подобно ангелу-хранителю, распростёрся над Тобосо и спас город от разрушения...»

Митя спит. Читали ли бы «Волшебника Изумрудного города», он бы так быстро не заснул, а когда что-то нравоучительное читаем, у меня самого глаза слипаются.

Бросок чемпиона

Ну, не всё же нам книжки читать. Решили поиграть в шахматы. Понятное дело, что с кубиками. Первую партию Митя выиграл, а вот во второй его дела плохи: я выбросил 5:5. Митя затих. Его королю может не поздоровиться. Есть ли спасение? Похоже, нет...

«Иди, спасай королей!» – сказал император Павел чудо-полководцу, худощавому, низкорослому, старому. Будущий генералиссимус пошёл через реки, через горы за ратными подвигами, за славой. Полвойска оставил в чужой земле, вернулся к царю сам едва жив. Но стяжал славу, кого-то из королей напугал, кому-то помог... Труднее стало помогать венценосцам в девятнадцатом столетии. Зашатались троны. А уж в двадцатом веке – сплошные отречения. Один богатый король из небогатой страны путешествовал по Европе. Когда монарх развлекался, играя в гольф, ему принесли известие, что он низложен. Не прерывая игры, уже экс-монарх предрёк:

«Скоро в мире останутся только четыре короля: пиковый, трефовый, бубновый и червовый».

А как же шахматные – чёрный и белый?

Да, за два хода ферзём я могу поставить мат чёрному королю. Вот почему Митя затих. Он первым увидел этот мат,

потому что соображает быстрее меня. Что делать? Ставить мат или притвориться, что я никакого мата не заметил? Если бы не мой удачный бросок, Митя выиграл бы и эту партию. У него лишняя ладья и лучше позиция, к тому же всю партию он провёл очень энергично. А теперь – огорчён. Такой красивый бросок – 5:5, такой круглый, такой красивый, а выпал почему-то папе, хотя белый ферзь Мити тоже на доске. Эх, если бы!..

Я решаюсь сделать прививку. «Жизнь – не только майский день...», пусть привыкает к суровым её реалиям. За два хода беру Митькину чёрную ладью и тихо говорю: «Мат». У мальчика на глаза наворачиваются слёзы, пожаловаться некому. Мама далеко, а с бабушкой Лилей доверительные отношения не сложились. Митя берёт кубики и готовится бросить в последний раз. В надежде на чудо. В наших шахматах мат – не окончательный, а лишь предварительный проигрыш. Есть последний шанс – нужно выкинуть дубль, который спасёт твоего короля от позора. Митя бросает и – о чудо! – вновь 5:5! Ровный, круглый и красивый дубль выпал теперь у Мити. Мальчик счастлив, он бьёт моего белого ферзя своим чёрным и через пару-тройку ходов ставит мне мат. Первый раз в жизни я получаю такой радостный мат, до этого были и обидные, и несправедливые, и досадные, а этот, несмотря на ненастную погоду, какой-то солнечный. Тем более и спасенья мне нет, потому что фигур у меня не осталось. «Ну, сынок, – восхищенно говорю я, – это был бросок чемпиона!»

Митя довольно кивает и всё-таки бежит на кухню: «Баба Лиля, представляешь, папа мне поставил мат, а я сделал бросок чемпиона, убил его ферзя, а потом поставил мат папе...»

Поиграть ещё Митя не предлагает. Правильно, писатель-Весы Юлиан Семёнов учил: «Возьми выигрыш и уйди. Можешь вернуться через день, через час, но не испытывай сразу судьбу, подарившую тебе удачу...»

Пока у ребёнка настроение хорошее, время провести с ним воспитательную беседу. Я сажаю Митю на колени: «Сынок, я видел, что ты чуть не заплакал. Ты забыл, что мы, как и бесстрашные японские воины-самураи, не плачем ни от боли, ни от обиды. Только когда цветёт сакура...»

Лягушонок

Митя стоит на балконе и щурится. Наконец-то мы сподобились радости великой: небесное светило вышло, по своему обыкновению, с Востока и осветило наш балкон. Бунин писал, что в детской душе лучше закрепляется яркое и солнечное, вот пусть и запомнит мальчик море, горы и само солнце – поутру ласковое и общительное. Митя щурится и получает о мире искристые знания, которые несут солнечные лучи.

Много раз и я выходил на этот балкон, оглядывая просторы. Я был уверен, что так будет всегда и везде. В какой бы город я ни приехал, сразу попадут мне на первое – солнце, на второе – горы, на третье – море. Оказалось, что везде и всюду только солнце. К тому же бывает оно и скупым, и ленивым.

А вот наше, южное, – щедрое, и не оно виновато, что его временами закрывают тучи. Мы с Митей собираемся на пляж. Мальчик без капризов одевается. Даже помогает папе. Он хочет скорей к морю. Прошла почти неделя, а ребёнок ещё не купался. Ждали у моря погоды и, наконец, дождались. Три дня как стих ветер, но вода в бухте еще прохладная. Перемешанная. Есть надежда, что немного прогрелась у берега.

Митя бежит к морю вприпрыжку, но выясняется, что во-

да даже у берега, не такая тёплая, как хотелось бы. Ну хоть позагораем. Я раздеваю мальчика и выясняется, что под лучами солнца он выглядит неважно. Когда приедет жена, она воскликнет: «Да он же у тебя зелёный, как лягушонок!» Конечно, если смотреть на ребёнка при ярком солнечном свете, он и кажется зелёным. Солнце всё делает зелёным – и траву, и листья, и даже зрелого мужчину порой превращает в зелёного юнца.

Митя ищет ракушки. Я ему помогаю. Ракушки крошечные. Ни дать ни взять – выпечка, уменьшенная каким-то злым волшебником до неприличных размеров. Мы ходим по влажному песку, оставляя следы, которые тут же, как ласковая собака, слизывает волна. Солнце поднялось выше, потеплело, и Митя зашёл в воду по колени. Заходить дальше не решается. Так бы он и простоял по колени в море, но, на наше счастье, пришёл купаться мальчик Митинового возраста. Мальчишки, храбрысь друг перед другом, потихоньку залезли в воду, разыгрались, и в полдень мне и маме нашего нового знакомого пришлось изрядно потрудиться, чтобы вытащить ребят из воды. Я растёр Митю махровым полотенцем и усадил холодного дрожащего лягушонка греться.

Волшебная лестница

Мы выходим на набережную и сразу видим наш дом и наш балкон, наилучшего в мире расположения. Митя вышагивает рядом со мной быстро и пружинисто. Ножки у мальчика крепкие, ровные. Как-то в Петербурге подошла ко мне женщина: «Отдайте нам мальчика на фигурное катание». Я отказался. Было бы у меня восемь-десять сыновей, может, одного бы и отдал. А так – нет. Вид спорта придуманный. Много лишнего наворочено. То ли дело – бег. С первобытных времён бег ясен и понятен. Убежал от тигра – получи жизнь как награду. Не смог убежать – приз у саблезубого животного.

Мы подходим ко второму подъезду и поднимаемся по Волшебной Лестнице. Сегодня она добрая и заботливая: сделала пологими ступени и ужалась до вполне приемлемой длины.

Пару лет назад, когда Лестница впервые встретила с Митей, маленьким, невиданным ранее существом, она вздыбилась перед малышом непреодолимо. А ей бы, дурёхе, воскликнуть: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Митя тогда застыл в недоумении и оглянулся на меня. Я крепко взял сына за бока и сказал: «Митя, ты – самолёт!» Митя послушно расставил руки, и мы полетели: 3-3-3-3-3...», под нами мелькали ступеньки, они чередовались ровными площад-

ками, а короткий полёт прервался трелью звонка. «Слышу, слышу», – раздался голос бабушки Лили.

Балкон

Митя беседует с бабушкой. Сегодня у мамы хорошее настроение, она просияла так же, как и солнце сквозь тучи. Последние два года такое случалось нечасто, и понятно почему. Нашу бабу Лилию сбила машина. Полгода она лежала, полгода расхаживала переломанные ноги, но все выпавшие на её долю испытания перенесла по-большевистски мужественно. Теперь понемногу стала приходить в себя. Если чёрная полуса для нашей бабушки закончилось – это очень хорошо. Это просто здорово!

Пока родственники общаются, я выхожу на балкон, и тут же он широко и светло напоминает мне о своём наилучшем в мире расположении. Застыли горы и облака, застыли корабли на рейде, потому что тиха морская гладь – штиль. В минуты обозрения этой величественной панорамы завидуешь стрекозе, которая видит всё сразу, которой не надо водить туда-сюда головой.

Море окрашено, как и положено ему, в цвет морской волны. Горы позеленели, я сначала думал – показалось, но нет, действительно на горах стала оживать растительность. Раньше молодые цементные заводы дымили напропалую, и горы были серые. Сейчас цементные заводы постарели и одряхтели. Над ними ни дымка. Нет, какие-то тоненькие струйки,

пожалуй, есть, но разве это можно сравнить с тем, что было! Как они дымили в годы своего расцвета! Стране нужен был цемент, и цемент скрипел на зубах у каждого жителя нашего города! Футбольная команда нашего города называлась «Цемент»! Мы гордились своими заводами, наш цемент шёл на экспорт. Каждый школьник знал, что лучший цемент в СССР – наш цемент марки 1000. Что означает эта тысяча – мало кто знал, но это были уже детали, которые не относились к главному: к гордости за родной город и его замечательные цементные заводы. Но вот они – и «Октябрь», и «Пролетарий» – состарились вместе со своими пролетариями.

Цемент, который по-прежнему нужен стране, стало выгодней покупать в Турции. Дымят турецкие заводы, а наши пустые трубы, кажется, переговариваются между собой шепотом: «А помнишь, а помнишь...»

Вечером, когда Митя уснёт, картина будет другой. В отличие от дневной она потеряет краски, но обретёт романтические детали: лунную дорожку, множество золотых огней на берегу и на кораблях, зелёный огонёк на дальнем молу, красный – на ближнем, лучи рыскающих по бухте прожекторов, тёплый ветер. Иногда ветер бывает горячим. Помню, как-то летом я вышел на балкон с мокрой головой. Развесил два полотенца. Дело заняло не больше минуты, вернулся в комнату, а волосы уже сухие. Мощный фен сделал своё дело мгновенно.

Как и в то далёкое лето, нехотя возвращаюсь в комнату. Митя читает книгу, не убегает от бабушки, как раньше, но держится настороженно. «Митя, ты меня боишься? Я что, так изменилась?» – спрашивает мама. «Ну просто ты была немножко молоденькая, а теперь немножко старенькая», – отвечает Митя. Митя – дипломат.

Луна-парк

Мой сын растерялся. К чему побежать, если всего так много? Мы только вошли в луна-парк, мы сделали не больше двух шагов, а проблема выбора уже встала в полный рост и повергла ребёнка в полное замешательство. Глаза горят, туда-сюда зыркают, а с места не сойти. Особенность знака мальчиков-Весов: им не выбрать. Не выбрать из двух яблок, двух конфет, двух машинок, двух картинок, двух девочек.

Эталон ушастого бездействия – буриданов осёл – безусловно, родился в тот час, когда солнце находилось в самой середине созвездия Весов.

Митя родился позже, но все проблемы знака налицо. Маленького человека впору спасать. «Сынок, помнишь, как ходит часовая стрелка? Давай пойдём по ходу часовой стрелки. Но заходить будем не ко всем. Зачем нам, к примеру, эта карусель? В Ленинском парке карусель и больше, и лучше. А этот крошечный тир! Смех да и только! И ружья там наверняка со сбитыми прицелами. А это маленькое колесо обозрения! Нам такое не годится. Это же не колесо, а колёсико. Есть колёса в десятьраз больше!»

Я взял Митю за руку, и мы пошли, строго следуя выбранной тактике, к ближайшему аттракциону под названием «Комната смеха». Там Митя увидел папу и маленьким,

и толстеньким, и вытянутым, и приплюснутым, и очень смеялся. Насмеявшись, Митя катался на машине. Она поднималась на горку и опускалась вниз, но не круто, не быстро, не захватывающе. Не так, как на американских горках, а вполне приемлемо для ребёнка. Накатавшись, Митя смело залез в одну из восьми кабин, которые поднимались и опускались длинными направляющими, укреплёнными в большом шаре. Издалека конструкция была похожа на осьминога, который, готовясь к очередной морской олимпиаде, поднимает тяжести. Когда осьминог-силач поднимал щупальце с кабиной, где сидел Митя, глазастый малыш сверху углядел качели. Судьба моя на ближайший час была решена – водить головой слева направо. «Митя! Митенька! Сынок! Мы так больше никуда не попадём». С трудом удалось оторвать ребёнка от сомнительного маятникообразного удовольствия, и мы с упорством сродни ослиному пошли дальше по ходу часовой стрелки. Дальше была «Пещера ужасов». «Как там?» – спрашиваю женщину-билетёра. «Интересно», – отвечает она и глаза отводит. Я, полагаясь на то, что незабвенное Ваю-ваю закалило детскую душу, купил два билета. Взял Митю на руки – и вперёд, навстречу ужасам! Они не заставили себя долго ждать. Только я спустился вниз по ступенькам – здравствуйте, мадам ведьма с белёсыми волосами! И дальше за каждым поворотом то весёленький упырь-светофор, то результат жизнедеятельности нечистой силы – белый скелет в натуральную величину. Всё сделано добросовестно и

умело подсвечено. Петлял я себе не спеша, тихо ужасаясь, а о ребёнке вспомнил, когда он, и без того плотно ко мне прижатый, вдруг вдавился так, словно захотел стать барельефом на отцовском теле. Чашу детской выдержки переполнил вурдалак с открытой красной пастью и окровавленными зубами. «Папа, пошли назад», – прошептал Митя, готовясь заплакать. Вот тут я испугался по-настоящему. Куда назад?! Сзади – изнанка тех же кошмаров. А если люди навстречу? За кого они нас примут? За атакующий ужас! Нет, только вперёд и быстро! Чёртова тётка могла бы на входе предупредить! Мол, маловат твой мальчонка для таких-то натуральных ужасов. «Да всё уже, сынок, не смотри на них. На папу смотри, всё не так страшно. Вот уже и ступеньки пошли наверх, вот ещё чуть-чуть. Что их бояться, они нарисованные. Вот уже последняя кикимора. Видишь выход?! Вот и старушка приветливо машет косой, прощается...»

На свежий воздух, к потемневшему небу мы выскочили единым ядром и полетели прочь от такого развлечения со скоростью ядра. Праздник закончился... Наконец сердечко у Мити успокоилось, он поднял голову и спросил: «Папа, а ты боялся?» – «Нет», – соврал я. «А я струсил», – очень трогательно, очень по-детски признался Митя. Я пригладил рыжие, уже немного выцветшие на южном солнце вихры и нашёл в себе силы для нравоучения: «Не надо ничего бояться, когда папа рядом».

Тир

Митя целится. Сначала он прикрывает один глаз, затем другой, потом перестаёт прикрывать глаза и стреляет как Бог на душу положил. Но всё равно попадает. Жестяная банка с грохотом падает. Митя в очередной раз доволен. Тир нас здорово выручает. Заведение по пути в парк, уютное. Хозяин приветливый и нежадный человек. Несколько раз на моих глазах выручал денежной ссудой хмурых и бомжеватых мужичков, которых нужно было выручить ну просто срочно.

Пока Митя попадает только в банки. Скажем, в медведя попасть не может, хотя мишень рядом с мишкой самая большая – круг величиной в четверть банки.

Другие мальчишки – они, правда, все постарше – попадают в медведя очень часто. Когда в тире много детского народа, мишка стучит в барабан непрерывно. Бывает, стрелки сбивают несколько мишеней одновременно, и тогда к музыкальному мишке подключаются иные тирообитатели: козёл грозно наклоняет рога, дед с бабкой берутся перепиливать бревно, а перепилить никак не могут, прыгает лягушонок, открывает пасть бегемот, поёт пластинка. Короче, шумно и весело, а что ещё надо нормальному ребёнку?

Есть в тире и одна особая, по нашему с Митей мнению, мишень – весы. Один раз какой-то меткий стрелок сбил сто-

ящий рядом с весами небольшой белый кружок, и чаши весов долго балансировали, покуда не уравнились. Митя, ощутив зов знака, оторвался от жестяных банок и заморожено наблюдал, как чаши весов колебались вверх-вниз. Хорошо, что мишень у весов небольшая – маленький кружок, поэтому попадают в неё не часто.

Но самая сложная, самая незаметная мишень – у самолёта. Закрашенное белым игольное ушко – вот вам и вся мишень. Зато, если меткий стрелок попадает в самолёт, тут же происходит короткое, но громкое представление: в тире гаснет свет, и откуда-то сверху, вращая огнями и гудя, начинается, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, спускаться самолёт. В самом низу, уже на большой скорости, он бьётся о невидимую преграду, громко, с огненным всполохом, взрывается пистон, юный зритель вздрагивает и восторженно восклицает: «Во класс!»

Ему бы, несмышлёному, поплодировать в знак благодарности режиссёру представления, хозяину тира, который – вот он! – стоит рядом улыбаясь. Но детство привыкло принимать хорошее как должное и не всегда догадывается, что всё хорошее, исключим Солнце и Промысел, есть творение рук человеческих.

Я стрелял наугад, на ощупь, по наитию, но мальчик так хотел, чтобы папа сбил самолёт, и чудо свершилось – сам не знаю как, но я попал!

В тире погас свет, загудело, завращало огнями, медлен-

но поползло по проволоке, а потом громко бубухнуло вниз. Митиному счастью не было предела...

Уходя, мы столкнулись в дверях с очередным помятого вида дядькою. «Представляете, папа сбил самолёт!» – поделился сокровенным Митя. «Молодец!» – сипато откликнулся дядька.

Черепашка и светлячок

Митя живёт во времени благословенном, когда день бесконечен. Мальчик уже и на балконе постоял – на солнышко пощурился, и с бабой Лилей поругался, и варенички со сметанкой всё-таки поел, и по парапету, за папину руку держась, походил, и в море искупался, и на песке голыми ножками постоял, и ракушки собирал, и в тире по банкам пострелял, и по парку побегал, и на карусели покатался, а день всё ползёт ленивой черепашкой, ещё и до обеда не дополз. Так Высший Разум заботливо продлевает гражданину детства пребывание в этой чудесной стране. На другом конце жизни день короток. Хоть и убеждает Сенека – римский мудрец, что не следует бояться старости. Мол-де, это расцвет души, которая уже сбросила часть своего бремени и уже мало зависит от прихотей тела. Мол-де, и старость полна наслаждений, если знать, как ими пользоваться.

Интересно, а где узнать, как ими пользоваться? Кто этому учит? А как быть с горьким признанием, вылетевшим из тех же ветхих уст: «Поздно быть бережливым, когда осталось на доньшке. Да и к тому же остаётся там не только мало, но и самое скверное». Нет, лучше давайте полную наслаждений старость отодвигать всеми силами. Причём начинать её отодвижение начнём на самых ранних подступах. Ведь, поми-

мо прочих, есть у старости два очевидных недостатка: она, как и всё в этой жизни, тоже кончается; и день в старости больно короток. Мелькнёт, как светлячок в ночи, – и нет его. Так Высший Разум гуманно сокращает дряхлому постояльцу жизнь в закутке старости.

«Как день-то пролетел, и не успела ничего...» – вздыхает перед сном баба Лиля.

Кактус

Нельзя сказать, что благословенное время обходится совсем без горьких минут...

Митя долго не может заснуть. Ворочается и недовольно сопит. Ещё недавно ему было так хорошо: он раскачивался на качелях, крутился на каруселях, бегал наперегонки с другими ребятами, ему светило солнышко, пели птички, а ещё – сверху синело небо...

А сейчас у мальчика горе. Он лишен воздушной стихии, у него отняли свободу передвижения. Уложен спать на холодную подушку, накрыт чистой простынкой, и только стенка перед носом.

«Невелико горе!» – скажет кто-то, но не бывает у детей невеликого горя. У ребёнка бывает только горе большое. Пусть даже по мелкому поводу.

На стенке висит вышитый коврик. Митя рассматривает коврик, а потом спрашивает: «Папа, что говорит этот дядька?»

Примерно в Митином возрасте тот же вопрос я задал своей бабушке – Надежде Семёновне и теперь, ничего не придумывая, пересказываю сыну то, что говорила его прабабушка: «А ты посмотри, куда он смотрит. Держит перед собой пенсне и смотрит неотрывно на что-то для него необычное.

Ничего подобного не видывали раньше в тамошних краях. Растение зелёное, всё в колючках, а сверху прекрасный цветок, похожий на яркую бабочку, которая присела на минутку и вот-вот взлетит. «Где же вы, уважаемый сосед, достали такое чудо? – спрашивает господин с пенсне. – Как называется эта колючая невидаль?» Второй мужчина в длинном сюртуке довольно улыбается. Диковинное растение он выставил на видное место перед террасой, сам не спеша покуривает трубку и сейчас скажет, что колючее растение называется «кактус».

Хозяин кактуса, сразу видно, человек домовитый. Смотри, как у него всё прибрано, покрашено. Смотри, какие ровные грядки на огороде.

И не только у него. Видно, что в этой местности живут только трудолюбивые люди. Дома все убранные, ухоженные. А там вдали видны горы. Это – Альпы. Они ещё выше, чем наши горы...»

Кому я всё это говорю? Митька всю сопит. Вероятно, он заснул, когда я произнёс волшебное слово «кактус».

Ссора

Митя вздрагивает – сильно хлопнула входная дверь. Баба Лиля пошла за газетой. Мы опять поругались.

Ругань с людьми посторонними оставляет на душе осадок неприятный, но проходящий. Конфликт с родной матерью оборачивается тотальным бедствием: все прошлые размолвки, все давние обиды всплывают из подсознания, заполняют голову целиком и, кажется, вот-вот хлынут из ушей.

«Папа, давай поедем к маме».

Ребёнок есть ребёнок, чуть что – сразу к маме. Помню, вытащил его за шиворот из пруда, только поднял на руки, ещё и вода не стекла, а он уже шепчет: «К маме...»

«Сынок, она сама скоро к нам приедет. Осталось недолго».

Грозовые тучи родительского недовольства повисли под нашим потолком вчера днём. То и дело вспыхивали молнии раздражений: у мальчика мало носочков, нехорошего цвета штанишки, не так надеты.

Баба Лиля поучала, даже не переставая есть. «Не надевай мягое, над тобой смеяться будут...» – «Мама, не говори с полным ртом, ты подавишься», – не выдерживаю я.

«Да, баба Лиля, не говори ничего, – с ходу включается Митя. – Ты подавишься». «А вообще-то ладно, – добавляет

Митя после паузы. – Пусть баба Лиля подавится. Её увезут в больницу, и мы немного поживём спокойно...»

Баба Лиля привыкла жить, сражаясь с болезнями и со старостью, в одиночку. Когда одна, всё привычно, всё по местам и по полочкам. Всюду чистенько, аккуратненько. Всё своё и ничего чужого. Но вот в доме появляются гости, и привычный порядок вещей рушится. Терпения и выдержки у бабушки хватает на два-три дня, а потом жизнь в коллективе, даже в таком родном, начинает раздражать.

А ещё сын неверно воспитывает внука: мальчик плохо ест, попросишь его руки перед едой помыть, а он смотрит зверьком. Неприсмотренный, как Буратино. Того хоть иногда воспитывал папа Карло, а этого, получается, никто. Хорошо ещё невестка-вертихвостка не подъехала. А приедет...

С мрачными мыслями спускается баба Лиля за «Советской Россией». Она – коммунист. Правда, не такой пламенный, как Виктор Ампилов. Но куда уж пламеннее! Не такой принципиальный, как Нина Андреева. Но ведь принципиальнее Нины Александровны быть просто невозможно.

Надо же такому случиться, что оба маминых кумира – и предводитель «Трудовой России», и кандидат химических наук – родились под звёздами Весов. Революционной их, вероятно, только создатели «Интернационала»: поэт-Весы Эжен Потье и композитор-Весы Пьер Дегейтер.

Наша бабушка «Интернационал» обожает. Эта музыка для неё – память о тех годах, когда и солнце было ярче, и тра-

ва зеленей. Когда она, молодой коммунист, названная Лилианой в честь автора революционного романа «Овод» – Лилиан Войнич, не жалея сил, строила коммунизм. И не виновата наша баба Лиля в том, что он не построился. Со стройплощадкой – ошиблись, с чертежами – напутали.

Для Лилианы Андреевны членство в компартии – дело необходимое. Важный жизненный принцип. Выйти из партии для неё значит предать всё хорошее, что было в жизни. А что тогда в этой жизни останется? Болезни, жалкая пенсия, ловкачи и воры вокруг...

Баба Лиля стоит с газетой у первой ступени Волшебной Лестницы, которая маму своими изменениями только огорчает. Ступени с каждым разом всё круче, а сам путь наверх все длиннее и длиннее. Третий этаж... остановка... Четвёртый этаж... остановка...

Когда мы не в ссоре, беспартийным доверят сходить за коммунистической прессой. Мы с Митькой идём с удовольствием. Для нас этот поход вверх-вниз – весёлое мероприятие.

Но вот мы поссорились, и баба Лиля не хочет, чтобы мы прикасались к её газете своими непомытыми руками. Наконец мама возвращается, она протирает газету специальной тряпочкой и готовится читать.

«Баба Лиля! Не ругай больше моего папочку!» – неожиданно громко говорит Митя.

У Стасика

Митя бузит и ничего не хочет. Не хочет идти к Стасику (а ведь мы договаривались!), не хочет идти к морю, на рынок. Даже парк отвергнут. Мальчик устал. Час назад наотрез отказался идти к бабе Лиле (где был бы немедленно уложен в кровать), и вот – устал.

«Сынок, – предлагаю я, – давай сядем прямо вот тут, на лавочке, и ты немного отдохнёшь». Я не говорю – «поспишь». Это слово настораживает, оно отдает простынями, подушками и прочими спальными атрибутами, которые так замедляют и отвлекают активного маленького человека от интересной жизни.

Митя соглашается молча. Я сажаю мальчика на колени, он прижимается ко мне влажноватой балдёнкой и через минуту уже спит, сладко посапывая в папину шею... Мимо проходили мамочки, везя перед собой коляски. Проносилась, шумя, ребятня. Пробегали, тявкая, дворняжки. Гудели, проезжая, машины. А Митя сопел себе и сопел. Как хорошо сказала Цветаева о людях, сцепленных какой-либо человеческой близостью: «Мы смежены, блаженно и тепло, как правое и левое крыло...»

Митя проспал почти час, а когда открыл глаза, сказал: «Привет, папа. Пойдём к Стасику». Ну что же, дело хорошее.

К Стасику так к Стасику. Тем более мы же договаривались! Встали, размяли косточки, попрыгали и пошли.

Митин двоюродный брат Стасик двумя годами старше. Разница в два года неразличима в старости, а в дошкольные годы это пропасть. Стасику неинтересно то, что ещё интересно Мите. Бегает Стасик быстрее, попадает точнее, прячется незаметнее. Соревноваться со Стасиком сложно по всем мальчишеским компонентам. Но, поскольку папа размножаться стал поздно, все остальные Митины родственники ещё старше. Двоюродный брат Юра изрядно дылдоват, а две троюродные сестрицы и вовсе – барышни. Остаётся Стасик.

Садимся на троллейбус. Если цементные заводы – первая достопримечательность нашего города, то троллейбусы – вторая. По советским правилам троллейбусы не полагались городу, если нет в нём трехсот тысяч жителей. А в нашем городе наберётся едва ли половина от этого числа. Тем не менее троллейбусы ходят давно.

Говорят, что первые наши троллейбусы предназначались для отправки в Новосибирск. В город, название которого весьма созвучно с именем нашего города. Вмешался случай: то ли был какой-то общесоюзный праздник, то ли железнодорожный, и в результате возникшей путаницы троллейбусы приехали к нам. А раз приехали – не отправлять же обратно! Быстренько поставили столбы, провели линии, подвесили рожки – и вот вам троллейбусное движение на улицах на-

шего города.

Находим Стасика под раскидистым деревом. Играет с друзьями в карты. Я великодушно прошу принять сына в коллектив. Ребята также

великодушно соглашаются, и вот Митя уже в игре. Причём – весь в игре. И куда только подевался тот ребёнок, который пролепетал спросонья: «Привет, папа». Матёрый игрочище – глаза горят, уши красные: «Ах, ты десяточкой! А я её валетом!» Остальные мальчики, хоть они и старше, говорили «вальтом».

Первый раз Митя играет с мальчиками. С мамой и папой сколько раз было, а вот так, чтобы с себе подобными, – впервые. По неписаному правилу новичкам везёт. Вот и Мите везёт. Карта идёт хорошая: есть чем отбить, есть с чего зайти. Большой карточный азарт охватил маленького человека. На лицо азартный Парамоша...

Как же здорово сыграл этого Парамона артист-Весы Евгений Евстигнеев. Какой мастер! Сыграть роль лучше него, превзойти Евстигнеева кажется невозможным. Кто после него отважится сыграть жулика Корейко? Или профессора Преображенского? Или Сатина из пьесы «На дне»? А каков он в роли начальника пионерлагеря Дынина из кинофильма «Добро пожаловать, или Постронным вход запрещён»! Вот такого бы воспитателя этим ленивым дошкольникам, которые дуются передо мной в карты. Он бы доходчивее педагогов-Весов Сухомлинского и Соловейчика пояснил бы детям

всю пагубность их занятия, направил бы на путь истинный...

«Целый день где-то ходят-ходят, их ждёшь, а их нет и нет, –

глухо ворчит бабушка. – Ребёнок не ест, не спит нормально». «И ничего подобного, – говорит Митя, – Я спал на папе». «Ну вот, как цыгане», – фыркает баба Лиля.

Середина жизни

Что у человека после детства? Юность, которая, как известно, есть повсюду. Дальше – молодость, появляется физическое могущество, но ещё не обретено интеллектуальное. И душа ещё ленива, не хочет трудиться. В старости, в конце жизни, накоплены знания, умения, но растрочены силы. Душа согласна трудиться «и день и ночь, и день и ночь». Но тело ей уже не помощник... Лишь середина жизни способна одарить жителя Земли стабильным счастливым существованием, солнечным всеохватом, иначе скажем – всемогуществом. Человек уже всё знает и ещё всё может.

Поэт, начиная рискованное странствие, написал: «Земную жизнь пройдя до половины...»

Сколько это – середина жизни?

«Когда мы доходим до середины жизни? По-моему, это где-то около сорока лет... В таком возрасте человек обретает равновесие...» Так пишет Павич.

«Редко бывает так, что контуры нашего внутреннего мира открываются человеку уже в юности, обычно только в середине жизни нам даруется радость увидеть, как наконец-то приобретает законченные формы наше собственное «я», тот мир, творцом, а точнее, устройтелем которого является каждый из нас...» Так пишет другой писатель-Весы – Франсуа

Мориак.

Середина моей жизни дала о себе знать неожиданно. Как ребёнок шевелится в утробе матери, так середина жизни шевелится в душе мужчины...

Я почувствовал вещее шевеление и привстал. Голова повернулась к истоку. По направлению к городу, где я родился. Туда, где на пересечении улиц Седова и Гимназической в первом краснодарском роддоме раздался мой первый крик.

Рядом сопел в две дырочки Митька, баба Лиля на кухне осторожно переставляла кастрюли. Мне было не объяснить маме, почему я (да ещё с мальчиком) засобирался на следующий день в Краснодар. В город, где дедушка водил меня к слонику, где я получил львиную долю информации об окружающем меня мире, где сформировалась душа, где прошли первые шесть лет моей жизни. Тщетны были отговоры («в чужой город... с ребёнком, в жару, в автобусе... Ужас!») Ну, во-первых, город не чужой, а очень даже родной, во-вторых, меньше бы гундела, раньше бы выехали. А так, с отговорами да с причитаниями, оно и вышло в самый жар...

Митя в автобусе вёл себя мужественно. Мы смотрели в окошко, играли в животных. Я загадывал: «Живёт в лесу, рыжая...» И не дожидаясь, пока я скажу: «...хитрая, курочку может стащить», Митька на весь автобус кричал: «Лиса!» – «Тише, тише, сыночек, люди спят. А вот теперь слушай внимательно. Зелёный... – «Крокодил...» – громко шепчет Митя. «Огурец» – громко шепчу я в ответ. Нельзя сказать, что

три автобусных часа пролетели как единый миг, но ужаса тоже не было.

А дальше всё было как по маслу – четыре троллейбусных остановки, имы у парка. «Митя, ты посмотри какой слон... слоник...» Нет, никакого впечатления. Подумаешь, слоник. Вот если бы Кинг-Конг. Митя убежал на детскую площадку, а я остался. Ну здравствуй, ушастый. Как заморили тебя кубанские власти. Как-то ты измельчал... Неужели эти две жалкие ящерицы и есть те страшные крокодилы, которые ползали у твоих ног? Какой-то злодей отбил тебе половину хобота, а мальчик-погонщик и вовсе без головы. А где вода? Где фонтаны, бьющие из пасти крокодилов? Время выпило и воду, и соки...

Так, а кто же поможет мне сделать историческое фото. «Прохожий, остановись!» – воскликнула бы Марина Ивановна, а я обратился к проходящему курсанту: «Молодой человек, будьте любезны... На фоне слоника...»

Ракурс выбрали так, чтобы не было видно отбитого хобота и безголового погонщика. Случайный прохожий нажал кнопку, раздался щелчок, и этот щелчок разделил пополам мою жизнь. словно кто-то сильный разломил спелое яблоко на две равные части. Не важно, сколько я проживу ещё – сорок, пятьдесят, шестьдесят, сто лет... Ведь поделено не время, а жизнь...

Когда мы поехали вечерним нежарким автобусом назад, Митя заснул, а я, вспоминая встречу с другом детства, по-

нял, почему, придя с дедушкой на карусель, залезал именно на слоника, а если любимое животное было занято, мы с дедушкой пропускали тур... Понял, почему долго не мог называть слонем длинную, пикообразную шахматную фигуру, и, как многие в нашем дворе, называл её офицером.

Душу не мути

Была у меня в родном городе ещё одна встреча. Я отвел Митю к краснодарским родичам, они с мальчиком, которого видели впервые, принялись знакомиться, играть, кормить его ужином... А я поспешил на Красную, 19.

Я прошёл через длинную подворотню... Вот и двор моего детства... Как он съёжился и усох... Словно смотрю я в бинокль, а он приставлен к глазам неверно – большими стёклами... Я стал узнавать двор, только немного привыкнув к его изменению: тут стоял большой чёрный ящик, ящика нет. Зато на месте канализационный сток, куда упала гибкая ветка для моего лука, вот наше окно, где пришла ко мне первая рифма, здесь разливалась наша с Бокою лужа, а вот лысоватый дядька с девочкой лет семи... Боже мой, это же Бока... «Товагищ, вы кого-то ищете?» – «Нет, нет, ошибся... Не туда зашёл...» Ещё не хватало мне объясняться, кто я такой... Быстрее, быстрее от выросшего Боки, мимо высохшей лужи, мимо чужого окна, мимо сгнившего ящика, через длинную подворотню, на улицу, улицу...

Когда странное щемящее чувство оставило меня, я понял – поэт прав: «По несчастью или к счастью, // Истина проста: // Никогда не возвращайся // В прежние места...»

Месяц

Митя хорошо ориентируется на местности, из него бы получился отличный бойскаут. Мы прошли к парку длинным обходным путём. Митя спросил: «Папа, зачем мы так идём? Я знаю дорогу короче».

– Сынок! Я хочу тебе показать одно интересное место. Это старая карусель, покружиться на ней меня водил мой дедушка, Андрей Фомич...

Вот она, всеми позабытая, окружённая травой и тишиной. А раньше!

Сколько вокруг неё было шуму, улыбок, интриг, панам, ярких, лёгких одежд! Мы покупали билет, и дедушка усаживал меня, конечно же, на слоника. Они стояли рядом – два слоника, только на одном из них я соглашался пуститься в путь по кругу. Слоники целы и поныне. Они, правда, поблёкли, но держатся молодцом. Остальные животные выглядят хуже: обломанные рога, отбитые копыта. В целом картина грустная. Одна лошадка споткнулась и падает. Падает уже лет десять...

«Папа, пошли!» – Митя детскими мыслями уже весь на действующей карусели. Мальчику не терпится окунуться в веселье, движение, мелькание...

Часа три он передо мною мелькал, с трудом я увёл мальчи-

ка из Ленинского парка. Пытался убеждать, заманивать шоколадкой или мороженым – последнее дело. Съест сладкое – откажется от обеда, который уже приготовила бабушка Лилия, а это грандиозный скандал с непредсказуемыми последствиями...

Путь из парка домой долог и мучителен для нас обоих. Чем ближе мы подходим к дому, тем больше Митя мрачнеет. Впереди мытьё рук, ворчание бабушки, кормёжка и постель. Вот мальчик увидел наш подъезд и остановился. «Митя, пошли!» Митя не идёт. Внутренний протест вырос до огромных размеров.

Вдруг я вижу маленькое чудо: яркий белый месяц горит на светло-голубом летнем небе. «Митенька, смотри, какая красота!» «О, арбуз на небо улетел», – говорит Митя. Ну да. И ничего особенного. Арбуз – на небе. Подумаешь, чего в детстве не случается...

Мальчик отвлекся всего-то на пару секунд, но мне этого хватило, чтобы сгрести его в охапку и затащить в подъезд. Волшебная Лестница отнеслась ко мне с пониманием – ужалась до минимальных размеров. Я пролетаю её единым махом. Раз – и нет никакой лестницы. Здравствуй, бабушка!

Дисбаланс

Митя обиженно сопит, глаза на мокром месте. Он опять поспорил с бабушкой. Даже немного подрался. Уложен спать, а заснуть не может. Ворочается, тяжело вздыхает и опять ворочается. Точка опоры, на которой держится детская психика, пошатнулась, и весы разбалансировались. Ребёнок в дискомфорте, ему нужно срочно уравновеситься.

«Папа, а ты любишь своего мальчика?» – спрашивает Митя. «Да, я очень люблю своего мальчика» – «Тогда я тоже люблю своего папочку», – говорит Митя. Мальчик тяжело вздыхает напоследок и засыпает.

Сон всё поправит, всех примирит. А когда Митя проснётся, хорошее перевесит.